
ОГОНЁК
№ 31 ИЮЛЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
В ЭТОМ НОМЕРЕ:
вы станете гостями отважных морских ракетчиков;
узнаете новое о судьбе рукописей Михаила Шолохова;
прочитаете о том, как было восстановлено честное имя русского генерала Алексея Брусилова;
получите ответ на волнующий многих вопрос, что с нашим футболом;
совершите забавный поход с маленькой путешественницей Ниникой.
Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 31 (1936)

26 ИЮЛЯ 1964

Во время сессии Верховного Совета СССР группа депутатов встретилась в Кремлевском саду.

С л е в а н а п р а в о: врач Гудермесской городской больницы Чечено-Ингушетии Лидия Федоровна Мельникова, врач-хирург республиканской больницы Таллина Б. Х. Энилине, учительница 21-й средней школы В. К. Куусеокс, врач Ираклеевской участковой больницы Черкасской области (Украина) А. Г. Нажа.

Фото А. Гостева.

Встреча Н. С. Хрущева на Варшавском аэродроме. На снимке: Н. С. Хрущев, А. Новотный, Ю. Циранкевич, В. Гомулка и В. Ульбрихт.

ГОСТИ, КОТОРЫХ ПРИВЕТСТВУЮТ ВСЕМ СЕРДЦЕМ

Так встречали варшавяне дорогих гостей.

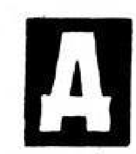

ГОСТИ, КОТОРЫХ ПРИВЕТСТВУЮТ ВСЕМ СЕРДЦЕМ

Болеслав КОВАЛЬСКИЙ, польский журналист

Фото ЦАФ-ТАСС и АП-ТАСС.

ВАРШАВА, 22 ИЮЛЯ, П

ень выдался чудесный, солнечный, словно по заказу для встречи долгожданных гостей. Варшава, и без того светлая, оживленная, радостная, стала еще более яркой, праздничной. Задолго до объявленного по радио часа прибытия дорогих гостей трасса, по которой они должны были проследовать, оказалась запруженной десятками тысяч празднично одетых варшавян. Яркие платья женщин, цветные рубашки мужчин, алые и красно-белые флажки в руках детей. И цветы, цветы, цветы... Незабываемое зрелище! Вся Варшава как бы превратилась в многокрасочный, цветущий сад!

Стрелки часов показали 10 часов 30 минут. По полю, запруженному толпой встречающих, пробежала волна. Над аэродромом делает круг голубовато-серебристый красавец «ИЛ-18», окруженный почетным эс-

ВОЗРОЖДЕННАЯ ВАРШАВА

Братская Варшава... Дымят трубы заводов, на широких улицах — поток автомобилей, в тенистых парках гуляют дети, на стадионах и спортивных площадках звучат молодые голоса. А вечерами вспыхивают разноцветные рекламы театров, кино, концертных залов, уютно светятся окна квартир в новых жилых кварталах...

О кипучей и многогранной жизни польской столицы рассказывает открывшаяся в Москве фотовыставка «Возрожденная Варшава». Выставка организована редакцией варшавского иллюстрированного еженедельника «Столица».

ЖИВИ И ЗДРАВСТВУЙ, ОСТРОВ СВОБОДЫ!

РАЗДНОВАНИЕ 20-ЛЕТИЯ НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

кортом истребителей польских ВВС. Минута — и машина уже на земле. В дверях появляется столь хорошо знакомая нам всем фигура Никиты Сергеевича Хрущева — нашего брата и друга.

По варшавским улицам прокатывается волна рукоплесканий, гремят возгласы: «Сто лет Никите Хрущеву!», «Да здравствует дружба народов!..» Всеми цветами радуги переливаются краски лозунгов, плакатов, транспарантов, одежда варшавян! И опять цветы, цветы, цветы... Их принесли сюда горожане, чтобы осыпать дорогих гостей. Этот незабываемый проезд по улицам Варшавы превратился в грандиозную, несравнимую и непревзойденную манифестацию дружбы, единства и солидарности братских народов. Да, варшавяне приветствовали Никиту Хрущева и других гостей не только улыбками, возгласами и цветами, но всем сердцем!

Вечером в переполненном огромном Зале конгрессов Дворца культуры и науки состоялось торжественное заседание по случаю 20-летия Польской Народной Республики. Открыл его Председатель Государственного Совета ПНР Александр Завадский, а доклад о развитии Польши за минувшее двадцатилетие сделал Владислав Гомулка. Первым из почетных гостей выступил Никита Хрущев, огласивший приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Советского Союза. Он произнес яркую и взволнованную речь, которая многократно прерывалась овациями всего зала и возгласами одобрения.

В эту ночь Варшава не спала. На празднично украшенных улицах и площадях до утра звучали смех, песни, танцы. Молодежь веселилась, а старики украдкой вытирали слезы радости: вот и осуществились их мечты — у власти стоит сам народ, а Польша превратилась в цветущий край, стала могучим, свободным и суверенным государством, занимающим почетное место в Европе и мире.

Варшава, 22 июля (по телефону)

---

26 июля Республика Куба празднует одиннадцатую годовщину начала народной революции. В этот день к Острову Свободы обращены взоры всех прогрессивно настроенных людей. Они от души желают Кубе больших успехов в строительстве новой жизни.

И в это же время в Вашингтоне проходит заседание министров иностранных дел ОАГ. Соединенные Штаты предпринимают еще одну попытку принять против Кубы «самые строгие санкции», чтобы изолировать Остров Свободы от всего континента.

События показывают, однако, что времена, когда Латинскую Америку можно было использовать как марионетку, безвозвратно канули в вечность. Правительства Мексики и Уругвая заявили, что они считают «санкции» против Кубы незаконными. Ряд других правительств также выражает свое недовольство грубыми, насильственными методами США. Печать латиноамериканских стран прямо пишет, что пора Соединенным Штатам реально оценить обстановку и отказаться от колонизаторских приемов.

«Руки прочь от Кубы! — заявляют народы Латинской Америки. — Да здравствует Остров Свободы!»

На снимке: дети Кубы.

«Всем покинуть машину!»

Герой Советского Союза майор Борис Петрович Попов.

26 июля 1941 года «Правда» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР о посмертном присвоении майору Борису Петровичу Попову звания Героя Советского Союза. Это был первый герой на литовской земле.

Танковая дивизия, которой командовал полковник Иван Данилович Черняховский, занимала рубежи в Шилальском районе Литвы. Гитлеровцы обрушили на наши войска мощный удар. Колонны фашистских танков, бронетранспортеров двинулись в глубь республики. Командир дивизии понимал, что численное превосходство противника требует применения особой тактики. Он приказал танкистам укрыться в лесу. Танкисты готовились к бою. Это был второй день войны, 23 июня 1941 года.

Много техники, машин сосредоточилось на дороге. Стремительным ударом танкисты уничтожали вражескую технику с флангов. Много машин противника горело, много было уничтожено фашистских солдат. Гитлеровцы начали отступать. Впереди, громя врага, неслись танки командира 55-го танкового полка майора Б. Попова. Противник бросил новые силы в бой. Долго шла смертельная битва. Танк майора Попова загорелся.

— Всем покинуть машину! — приказал Борис Петрович.

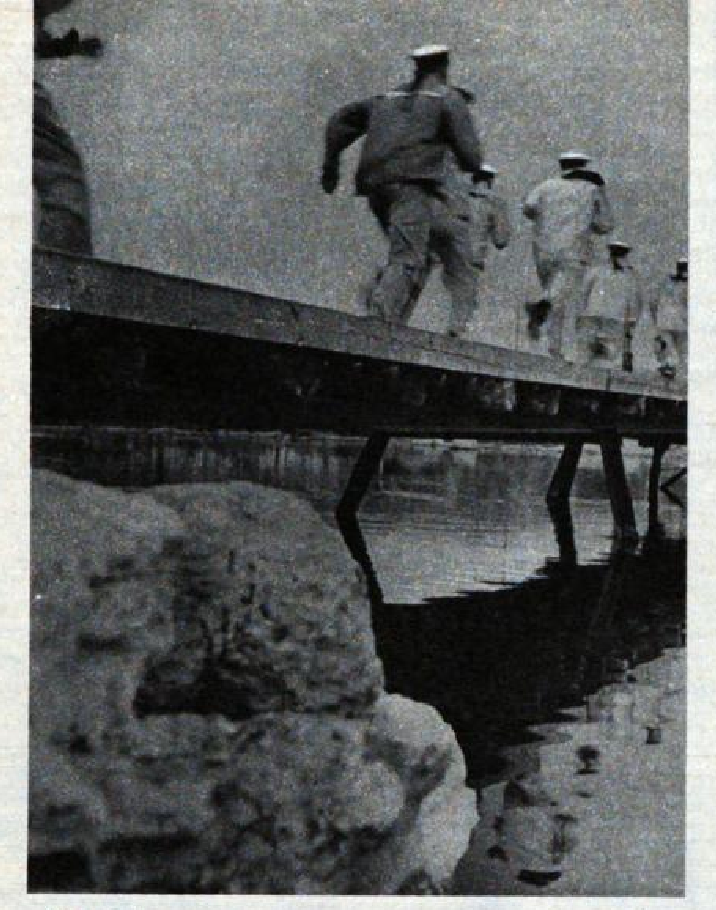
В горящем танке остался командир. Он вел бой, пока вражеская батарея не перестала существовать. Майор Попов выбросился из объятого пламенем танка, и здесь его настигла смерть.

Первые дни войны... Суровые дни. Литовский народ свято чтит память тех, кто отдал свою жизнь за его свободу.

Бернардас ДУХНЕВИЧ

Тревога!

БЧ

«Пуск!»

Порядок должен быть и под водой.

В ночь перед стрельбами.

Г. МАКАРОВ

Фото автора.

С борта большого ракетного корабля мы переправились на катерок. Ощущение такое, будто бы очутился во время полета на крыле самолета. Кстати, под ногами тот же дюраль, усеянный тысячами заклепок. Кажется, что встречный вихрь одну за одной срывает веснушки с лица Игоря Черкаса — матроса, стоящего наверху. Правда, в конце пути мы убедились, что улетели они не все.

И вот этот молниеносный катерок—КЦ, или «Кацук», как его ласково называют,— выполняет роль цели на стрельбах ракетчиков. Отсюда

и название КЦ (катер-цель). Маленький, буквально капля в море, мчащийся с немыслимой скоростью, он не может уйти от ракеты.

Осмотрев катерок, мы вновь вернулись на большой корабль.

Сегодня ракетные стрельбы. Мы уже в районе полигона, но заберись на самую высокую мачту — ничего не видно.

Однако стоит пересчитать ступеньки нескольких трапов и спуститься вниз, как убеждаешься, что поговорка «сверху виднее» здесь не совсем точна. Даже неискушенный штатский глаз вскоре увидит на экране локатора в хитрой сетке азимутов и дистанций светлую точку — цель.

«Пуск!»—и, пересекая ее курс, двинулся другой светлячок: пошла ракета. Но в чем дело! Ведь хорошо видно, что она пройдет мимо цели. Когда наше беспокойство (наше — это корреспондентское) достигает предела, ее импульс сливается с импульсом цели.

— Точно!—бросает оператор, снимая наушники и микрофон.

Спустя некоторое время убеждаемся, что он был прав.

Слышатся команды:

— Самый малый!

— Стоп!

И мы у развороченного борта мишени.

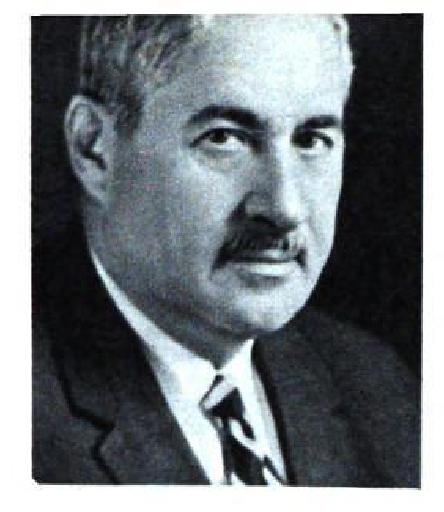
Моряки-ракетчики стреляют точно. Так они стреляют днем, ночью, летом, зимой, с воды и из-под воды.

На кораблях есть отдельные службы — БЧ (боевые части). Одна из них заведует огнем, другая — ходом, третья — навигацией и т. д. БЧ-1, БЧ-2, БЧ-3...

Большой БЧ можно назвать наш Военно-Морской Флот, отмечающий сегодня свой праздник.

Художник, пишущий портрет, всегда думает о фоне. Ведь не все, что находится за спиной человека и вокруг него, пригодно для фона. Художнику, который задумал бы воссоздать благородное и выразительное лицо Александра Ойслендера, не пришлось бы долго думать о том, что изобразить вокруг поэта и рядом с ним. Море и только море. Море и корабли. Синеву неба, сливающуюся с синевой моря. Бухту, порт, гавань, маяк... Но и этого мало. Портрет поэта будет неполон, если рядом с ним не изобразить его друзей-моряков, так горячо им любимых и так впечатляюще им воспетых.

Александру Ойслендеру мил раскат волны, выход корабля в море, раздвигающиеся в походе горизонты, открытые, мужественные лица наших моряков. Ему милы даже старые корабли, которые «от века отстают, как птицы отстают от самолета»,— они говорят его сердцу о пройденных дорогах, о прожитых годах. Даже одиноко стоящий маяк не внушает ему мысли об отрешенности и одиночестве. Нет, зоркому поэту видно, как «маячный беседует свет с идущими в море огнями». И еще одна любопытная черта: даже в самозабвенной лирике, рисуя портрет женщины, он не выходит за пределы родной его сердцу «свободной стихии»:

Так море штормовое повторяло
Цвет глаз ее, а мост — дугу бровей,
Что без нее все сущее теряло
Как бы частицу прелести своей.

Книги, выпущенные Александром Ойслендером, дают почувствовать его смелость, доброту, отзывчивость, вдумчивость, скромность, человечность. Перед нами книги поэта, но его самого нет среди нас. Около года назад он скоропостижно скончался, унеся с собой невоплощенные замыслы, оставив нам еще не опубликованные строки. Некоторые из них сегодня публикует «Огонек». Предстоит собрать лучшие работы Александра Ойслендера и познакомить с ними большой круг читателей.

Тема моря неисчерпаема, но ею все же не исчерпывается творчество поэта. Он писал о любви, о природе России, о ее людях сердечно, тепло, тонко. Я произношу эти слова, предваряющие стихи Александра Ойслендера, и вижу: он стоит передо мной. Спокойный, внешне уравновешенный, но в душе беспокойный, кипящий, озабоченный. И мне не хочется писать о нем в некрологических тонах. Пусть мне и вам, читатель, кажется, что поэт-моряк отправился в далекий поход в море... Он ушел, а мы с вами остались на берегу рядом с морем, вместе с морем, которое он так любил, которое зовет и будет звать к жизни, только к жизни, которое, «словно в материнской колыбели, качает океанские суда»...

Лев ОЗЕРОВ

РАДОСТЬ

Когда волна,
с рычаньем
на утес
Набрасываясь,
вдруг встает на лапы,
Мне кажется,
Что море —
Верный пес,
Встречающий хозяина у трапа.
Сейчас оно,
Рванувшись сгоряча,
Собьет меня прыжком
зеленоватым
Иль вправду —
Если пес оно,—
Урча,
Оближет языком шероховатым!

КОЛЫБЕЛЬ ФЛОТА

Залив Петра Великого,
ты сед,
А город юн.
Ему всего сто лет.
Но, катера
Из дока выпуская,
Как сизых голубей из рукава,
Гудит судоремонтный,
И морская
Расходится усами синева.
А там, где повелительная бухта
Дорогу открывает в океан,
Дымят на рейде
Транспорты,
Как будто
Раскуривает трубку
Великан.
О эта бухта!
Издавна отселе
Уходят в шторм,
Чтоб вновь прийти сюда,
Где, словно в материнской
колыбели,
Качает океанские суда!

Л. ВЕЛИЧАНСКИЙ

Огромный павильон для выставок скота в пригороде Сан-Франциско строился в годы великого кризиса, когда миллионы безработных не имели крыши над головой.

— В такое страшное время мы строим дворцы для коров,— возмущался один журналист.

Название прижилось и сохранилось: Коровий дворец.

Правда, коровы во дворце редкие гости. Там устраиваются спортивные состязания. Раз в четыре года арена Коровьего дворца приковывает внимание всей страны. Это бывает перед президентскими выборами, когда одна из двух соперничающих партий проводит там свой съезд.

И вот мы в Коровьем дворце. Лидер республиканцев в сенате Дирксен только что официально выдвинул кандидатуру Голдуотера. То, что происходило потом, пересказать невозможно. Представьте 14 тысяч человек, беснующихся одновременно. Они размахивают плакатами, портретами человека в роговых очках, топают ногами. И все орут разом. Что орут, разобрать невозможно, так как прямо в микрофоны с мощной системой усилителей ревет оркестр, а с трибун, сливаясь в сумасшедшую какофонию, воют гуделки, сопелки, рожки и автомобильные сирены. Сверху из-под самого свода непрерывно сыплется золотое конфетти, сверкая в лучах прожекторов, прорезающих толщу табачного дыма. А внизу по замкнутому кольцу движется «бесконечная» демонстрация. Ряженые демонстранты в соломенных шляпах с именем Голдуотера приплясывают и в такт выбрасывают вверх руки с его портретами. Можно догадаться, что они скандируют: «Мы хотим Барри», «Мы хотим Барри».

Противники Голдуотера говорили, что он представляет лишь меньшинство членов и сторонников республиканской партии. Этот аргумент подтверждался всеми опросами общественного мнения, потоком писем в редакции газет.

Голдуотеровцы решили разом все это опровергнуть и показать всему миру, что весь американский народ с неописуемым энтузиазмом приветствует их фюрера. И перестарались.

Журналисты, наблюдавшие эту сцену, и миллионы зрителей, сидевшие у телевизоров, увидели совсем другое. Неистовство трибун сочеталось с подозрительной организованностью и дисциплиной. Возникли недоуменные вопросы:

— Почему на гостевых трибунах оказались только сторонники Голдуотера? Каким образом в руках у гостей оказались тысячи одинаковых портретов? Почему полиция пропустила в Коровий дворец несколько колонн демонстрантов Голдуотера, не спросив гостевых билетов, а демонстрантов с жетонами Скрэнтона не пропускала даже с билетами? И еще много таких «почему». Людям показалось, что они уже где-то слышали этот вой, видели таких же молодых людей с выражением тупой решимости на лицах. А губернатор Калифорнии Браун высказал вслух то, что почувствовали другие:

— Из Коровьего дворца повеяло фашизмом.

САМИ ВИНОВАТЫ

В зале против главного входа висело огромное полотнище с силуэтом освободителя черных рабов и первого президента-республиканца Авраама Линкольна. Ораторы не уставали повторять его имя. Но еще никогда республиканская партия не была так далека от идеалов этого великого демократа. Пункт о проведении в жизнь закона о гражданских правах записан в избирательную платформу весьма расплывчато. Осуществлять этот закон должны, по существу, власти штатов. Другими словами, борьба против расовой дискриминации возлагается на самих расистов.

Съезд отверг поправку, отражавшую требования негритянских организаций, подкрепленную пятидесятитысячной демонстрацией негров в Сан-Франциско. Партия, всегда спекулировавшая на том, что расисты Юга являются ее противниками, осталась глуха к голосу негров. И это в момент, когда вопрос о расовом неравноправии стал самым острым политическим вопросом страны! Объясняется это тем, что победившее на съезде крайне правое крыло партии сознательно идет на союз с расистами Юга, стремясь расколоть демократическую партию.

Одним из драматических моментов съезда было выступление Нельсона Рокфеллера. Он выступал в поддержку поправки, осуждающей деятельность бэрчистов и других экстремистских групп. Рокфеллер имел возможность познакомиться с их методами во время первичных выборов в Калифорнии. Выборы эти были поединком между ним и Голдуотером, который опирался на поддержку всех ультра. Калифорния была наводнена листовками и брошюрами, в которых мультимиллионер Рокфеллер объяв-

КОЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

Вокруг —
Высоко взбитая,
Как тесто к пирогу,
Метелью перевитая,
Лежит земля в снегу.

Земля,
Известно, кольская,
Железо и гранит.
Идешь по ней —
И скользкая
Тропиночка звенит.

А там, за дымкой дальнею,
Уже вступают в бой
Не молот с наковальнею,
А с берегом прибой.

И ветер,
Прилетающий
Из пасмурной глуши,
Где только сумрак тающий
И больше ни души,
Не шелковою лентою,
А славой боевой,
Как свежею легендою,
Шумит над головой!

ТОРПЕДНЫЕ КАТЕРА

Где-то в море вал студеный
Возникает в полный рост
И, как спирт неразведенный,
Занимает дух норд-ост.
Но среди громов запретных
Проскочив на всех парах,
Стайка вымпелов торпедных
Рассекает пенный прах.
Вздрогнув, флагман шлет
торпеду,—
И, как веер голубой,
Рвутся новые по следу,
Море вспенив за собой.
— Поворот все вдруг! — И сразу
От гремучего костра
На заждавшуюся базу
Курс срезают катера.

Стариком в отставке стану,
Но и дряхлым стариком
Вспоминать не перестану
Жизнь на катере морском.
Если ж юноша толковый,
«Смирно» став передо мной,
Школу мужества такого
Помянет в тиши ночной,
Я отвечу: «Есть такая
Высшей доблести в бою
Академия морская
У Отчизны на краю!»

Тронь ладонями своими
Флаг, что вьется над тобой,
С ним не раз водил Нахимов
Корабли родные в бой.
С ним не раз и мы ходили
В море дыма и огня,
Всех флотов и всех флотилий
Славу русскую храня.

УЖЕЛЬ СМОГУ...

О жизнь моя,
Ужель смогу
Забыть на белом свете
Твои
Ромашки на лугу
В сосновом сельсовете,
Твой на заре
Туман густой,
Проснувшийся на травах,
Твой прежний дух
И золотой
Багрец на листьях ржавых,
И синий звон
Стеклянных рек,
Все замедляющих
Свой бег
На поздних переправах.
Прости,
Что в зябком сентябре,
Звенящем позолотой,
Тебя я славлю на заре
Не только сельской одой,
Пока горят костры, пока
Влетают листья в сени
И, как молочная река,
Течет туман осенний.

ГДЕ-ТО НА ОПУШКЕ

Дождь прошел
вдоль каменных ступеней,
За угол свернул
и перестал,
Но такою
Свежестью весенней
Сразу же наполнился квартал,
Что казалось:
Вот сейчас Есенин
Здесь стихотворенье прочитал.
Тихо тая,
Пар валил от почек,
Набухавших влагою земной
И благоухавших, словно почерк
Очень милой
Женщины одной.
Продолжалось
Это ощущенье,
Может быть, мгновенье.
Но вдали
Даже небо
В детском восхищенье
Глаз не отводило от земли,
И, очнувшись,
Где-то на опушке,
Что дышала синью полевой,
Почки, словно крохотные пушки,
Выстрелили первою листвой!

* * *

Как пахнут кремлевские ели,
Как звезды горят в синеве,
Как девушки похорошели
С тех пор, как я не был
в Москве,—

Гляжу, не могу наглядеться,
Как будто встречаюсь с такой,
Впервые из южного детства
Приехав в тельняшке морской.

А не был я месяц, не боле,
Но всюду мне снилась Москва,
Как паруснику на приколе —
Далеких морей синева!

МАЛЬЧИШКА

С домашними —
Молчаливей,
Чем каменная стена,
С товарищами —
Шумливей,
Чем яблоня у окна,
Все зная, что в этом мире
Его непременно ждет,
В соседней большой квартире
Мальчишка один живет.

Читает ли
Дома книжку,
Бежит ли во двор к друзьям,
Все делает он вприпрыжку,
Чтоб сразу —
И здесь и там.

С глазами такого цвета,
Как небо
Весеннего дня,
Он лучше меня,
Но это
Не огорчает меня.
Зарей опоясан алой,
Из камня сбит одного,
Он дальше пойдет,
Пожалуй,
Чем я ходил
До него.
Он сделает все получше,
Чем сделал бы я.
И вот
Рукой отвожу я тучи
От дома, где он живет.
Чтоб он
И другие дети,
Что в школу сейчас пошли,
Доделали на планете
Все то, что отцы не смогли.

ялся «социалистом-интернационалистом» и «лакеем Кремля». Почтеннейшим дамам среди ночи звонили по телефону, обзывали их «старыми шлюхами» и грозили расправой, если те не прекратят «подрывной деятельности» в пользу Рокфеллера. Наконец, накануне голосования во время банкета сторонников Рокфеллера бэрчисты ворвались на кухню отеля, опрокинули все вверх дном и влили в пунш подозрительную жидкость.

Сторонники Рокфеллера убеждены, что только благодаря этой организованной в масштабе целого штата кампании запугивания и клеветы Голдуотеру удалось одержать в Калифорнии минимальную победу (он получил 52 процента голосов).

В том, что фашистские элементы получили возможность определять политику республиканской партии, есть вина и самих «либералов». Десятилетиями они состязались с крайне правыми в раздувании антикоммунистической истерии. Ведь Киттинг — тот самый бравый сенатор от Нью-Йорка, который еще недавно требовал послать ракету против Кубы и даже фотографировался в обнимку с ракетой. Главный соперник Голдуотера Скрэнтон во время съезда присутствовал вместе с Голдуотером на сборище, посвященном «освобождению» социалистических стран. Либералы не выступили на съезде против чудовищной программы, призывающей к крестовому походу против стран социализма. Нет, они заявили, что это хорошая программа и что они лишь хотят ее улучшить своими поправками. Либералы всегда участвовали в травле «красных» и стали отмежевываться от крайне правых лишь тогда, когда их самих стали травить как «красных».

«Трики Дик» означает «вероломный Дик». Это прозвище Ричарда Никсона. Когда на республиканском съезде 1952 года создался тупик между консервативным крылом партии во главе с Тафтом и «либералами», выдвинувшими Эйзенхауэра, Никсон расколол калифорнийскую делегацию и переметнулся на сторону «либералов». Этим прыжком он создал перелом в пользу Эйзенхауэра и заработал себе сразу и пост вице-президента и прозвище «Трики Дик». В нынешней борьбе Никсон играл ничтожную, но очень характерную роль. Официально он не выставлял свою кандидатуру, а ждал, что поединок Рокфеллера и Голдуотера заведет партию в тупик и тогда съезд призовет его как компромиссную фигуру. Тупика не получилось, и Никсон в последний момент переметнулся на сторону победителя. Он выступил на съезде с панегириком Голдуотеру, который тошно было слушать, хотя перед этим он заявлял, что выдвижение сенатора из Аризоны кандидатом в президенты было бы бедствием.

Если бы лидеры «либерального» крыла партии не перехитрили сами себя, если бы в руководстве партии не оказалось столько «трики Диков», то никакие экстремисты не помогли бы Голдуотеру одержать победу на съезде и захватить в свои руки весь партийный механизм. Сейчас Голдуотер прочно заарканил и оседлал республиканского слона. Только поражение в ноябре может выбить его из седла.

Было в Сан-Франциско еще одно важное действующее лицо, которое, правда, не появлялось в Коровьем дворце даже на гостевых трибунах. Это техасский мультимиллионер Хант, финансировавший значительную часть политических операций и махинаций Голдуотера. Он прибыл на время съезда в Сан-Франциско, снял целый этаж в роскошном отеле, потеснив делегатов. Победа Голдуотера — это была одновременно и победа денежных воротил запада и юго-запада страны, кошельки которых разбухли на военных заказах.

В Сан-Франциско Эйзенхауэр ехал специальным поездом. На промежуточной станции какой-то недоросль ударил его голдуотеровским плакатом. Генерал не пострадал, но эпизод оказался весьма знаменательным.

Еще совсем недавно Эйзенхауэр — единственный республиканский президент за три последних десятилетия — пользовался большим влиянием в партии. А вот несколько месяцев непрерывных колебаний не оставили следа от его авторитета. Потом он, как выражаются американцы, выдернул ковер из-под ног Скрэнтона, объявив полный нейтралитет в борьбе между кандидатами. На съезде Эйзенхауэр выступил с призывом к всеобщему примирению. В сложившейся обстановке это означало призыв к капитуляции перед Голдуотером. От Голдуотера он хотел лишь небольших, хотя бы символических уступок, которые облегчили бы примирение. Но Голдуотер демонстративно пренебрег всеми советами старого генерала.

Когда Эйзенхауэр приехал в Сан-Франциско, у его отеля на Юнион-сквер топтались десятки корреспондентов и фоторепортеров. Когда он уезжал, на месте не оказалось ни души. Он больше никого не интересовал...

Репортеры, освещавшие съезд в Коровьем дворце, называли его «цирком», «спектаклем», «комедией». Едва ли большинство американцев согласится играть в этой «комедии» роли статистов. Сейчас это маловероятно.

Сан-Франциско — Нью-Йорк.

Вл. ВОРОНОВ

«Те, которые видели однажды нашу Краину, говорят, что желали бы жить и умереть на ее прекраснейших полях. Что же нам сказать, ее детям? Должно любить и гордиться своею прекраснейшею матерью. Я, как член ее великого семейства, служу ей ежели не на существенную пользу, то по крайней мере на славу имени Украины».

Т. ШЕВЧЕНКО

ЖИВОПИСНАЯ УКРАИНА

В 1844 году, после первой поездки Шевченко по Украине, у него, тридцатилетнего художника, появилась дерзкая по своему масштабу мысль: воссоздать средствами искусства прошлое и настоящее родного народа. Это был поистине гениальный замысел «Живописной Украины». Художник хотел помочь соотечественникам осознать свою силу, красоту, национальное достоинство. Шевченко писал другу по возвращении из родных мест, где он не был четырнадцать лет до того: «Був я уторік на Україні... скрізь був і все плакав...»

«Живописная Украина» задумана была как массовое издание, потому автор и выбрал соответствующую технику — офорт, гравюра.

Поэт и художник подробно разъяснял свою мысль: «Желая более сделать известными достопримечательности родины моей, богатой воспоминаниями историческими и резко отличающимся от других народным бытом настоящего времени, я предпринял издание, названное мною «Живописная Украина», которое разделяю на три следующие части: 1-ое: Виды примечательные по красоте и историческим воспоминаниям.— 2-ое: Народный быт настоящего времени.— 3-е: Исторические события...»

Однако осуществить свой замысел полностью художнику не удалось: вышел только один выпуск из шести офортов.

И все-таки сейчас, спустя сто двадцать лет, мы можем сказать, что план «Живописной Украины» осуществлен.

Побывайте в эти дни в Москве, в Центральном выставочном зале, и вы убедитесь, что шевченковская идея «Живописной Украины» воплотилась в тысячах графических листов, в станковых картинах и акварелях, в скульптурах и орнаментах, в коврах и других предметах прикладного искусства. Грандиозная выставка, посвященная Тарасу Шевченко в 150-ю годовщину его рождения, могла бы безусловно называться «Живописная Украина». В ее создании вместе с Тарасом Шевченко участвовали многие мастера изобразительного искусства братской республики.

И очень хорошо, что выставка начинается с произведений самого Тараса Григорьевича: ему принадлежит по праву первое место в «Живописной Украине». Два скромных зала, в которых собраны картины, гравюры и рисунки Шевченко, надолго задерживают посетителей. Их поражает большая дума художника об украинском народе, восхищает его талант, и сердце наполняет неизбывная горечь при виде его былой тяжкой доли. В этих двух залах вспоминается дневниковая запись поэта о том, что в Малороссии «бедный, неулыбающийся мужик окутал себя великолепною, вечно улыбающеюся природою и поет свою унылую, задушевную песню в надежде на лучшее существование». Кажется, впервые москвичи имеют возможность так полно познакомиться — в оригиналах — с произведениями художника Шевченко. Незабываемая «Катерина» и «Крестьянская семья», портреты Михаила Щепкина и Айры Олдриджа, блестящие акварели, сепии и офорты, рисунки и автопортреты разных лет (они печатались на страницах нашего журнала) — все это, собранное вместе, представляет многогранный облик великого художника.

Теперь перейдем к другим создателям «Живописной Украины». Их много, и по-настоящему талантливых, нынешних художников республики. Они восприняли лучшие заветы Шевченко, и каждый в меру сил своих создает социально значимое искусство, близкое народу.

Немалую часть произведений современных украинских художников, которые сейчас экспонируются в Центральном выставочном зале, мы уже показывали на цветных вкладках журнала: живопись А. Шовкуненко, И. Бокшая, В. Задорожного, Г. Мелихова, М. Божия, Л. Витковского, графику В. Касияна, М. Дерегуса, В. Панфилова и еще многих.

Художники Украины несколько лет готовились к этой выставке; образ самого Кобзаря и связанных с его именем памятных мест воссоздают полотна В. Пузырькова, К. Филатова, В. Костецкого, Г. Мелихова. Запоминается скульптура Кобзаря, созданная М. Лысенко.

Осмысление шевченковской темы идет не только по пути иллюстраций к произведениям поэта, но и глубже, свободнее. Создаются картины по мотивам Кобзаря, навеянные мятежным духом его творчества. Такова скульптура И. Довженко «На барщине». Таковы «Тополя» (художник В. Журавель) — образ прекрасной, страждущей Украины, взывающей к борьбе и справедливости. Это о ней, своей родине, угнетаемой царизмом, писал поэт:

Мени однаково, чи буду
Я жить в Україні чи ні...
Та не однаково мені,
Як Україну злії люди
Присплять лукаві, і в огні
Її, окраденную, збудять...
Ох, не однаково мені.

Столь же интересна интерпретация шевченковских мотивов на сегодняшнем материале. Секретарь Союза художников Украины А. Лопухов справедливо писал: «И работы художников о Советской Украине, о ее истории, о славных революционных традициях, о днях сегодняшних — это тоже Шевченко. Ведь именно о такой родине, рожденной в огне и пожарах борьбы, мечтал великий Кобзарь. И вот она — в картинах, повествующих о революции, о гражданской войне, о защите страны от фашизма». М. Романишин создает картину «...І на оновленій» землі...» — и вы видите современных молодых супругов с сыном. Многозначительно по своей мысли полотно Т. Яблонской «Весеннее солнце», также рожденное поэзией Кобзаря и нашей действительностью. Изящная живопись, присущая лучшим вещам художницы, есть и в «Весеннем солнце». Но, пожалуй, наибольшее достоинство картины в том, что автор передал самое движение времени, запечатленное и в лукавом, много видевшем старике и в безмятежно-счастливой улыбке молодой матери.

Раздумья Тараса Шевченко о женской доле, о судьбе женщины в старые годы натолкнули художницу Н. Лопухову на мысль создать серию гравюр, изображающих прежнюю жизнь украинки, униженной, оскорбленной, забитой. Эта тема, развиваясь, совершенно естественно приводит нынешних художников к произведениям, воспевающим новую, свободную жизнь украинской женщины. Сколько умиротворенности и покоя в фигуре сидящей матери, вышивающей рушник, на картине К. Ломыкина «Рідна мати моя»! Чувствуется любвеобильное материнское сердце, постоянные думы о сыновьях, разлетевшихся из родного гнезда по всей земле. Совершенно иначе решает свою задачу В. Зарецкий в «Девчатах». Прямо на зрителя смотрят три медсестры в белых халатах — три четко очерченных характера: одна из них рыжеватая, веснушчатая, с голубыми глазами — воплощение девичьей непосредственности и наивности; другая — красивая шатенка с распущенной косой, независимая, деловитая; и третья — жгучая, чернобровая брюнетка, умная, образованная, острая на язык. Точные приметы времени — во внешности, характерах, деталях — видны во многих лучших картинах, и это несомненное их достоинство.

Невозможно даже перечислить все привлекающие внимание экспонаты выставки. Нужно отметить произведения М. Чепика, Г. Кальченко, Л. Биганича, Б. Рычкова, блестящие офорты, литографии и рисунки народных художников СССР М. Дерегуса и В. Касияна, линогравюры В. Кравченко и В. Куткина; все они доказывают высокий профессиональный уровень мастерства художников республики.

Меньше всего эта выставка в Манеже является мемориальной, ибо она рассказывает не только о юбиляре, но и о великом братстве свободных народов. О торжестве ленинских идей. О преобразующей миссии искусства, способного творить чудеса. В аванзале выставки — государственные флаги Украинской республики и Советского Союза, величавая скульптура Кобзаря, через столетие шагнувшего в наше время, и перевитая народными рушниками надпись, воспроизводящая слова Н. С. Хрущева: «Тарас Григорьевич Шевченко близок и дорог всем народам нашей великой Родины, потому что он в своих произведениях выражал думы не только украинской бедноты, но и думы трудящихся всех наций».

Выставка, любовно организованная в Киеве и развернутая сейчас в Москве, действительно убеждает. Прежде всего убеждает главная мысль этой необычной экспозиции — показать животворную силу творчества Тараса Шевченко. Всего лишь несколько десятилетий понадобилось его наследникам, чтобы в битвах революции сбылось поэтово Завещание. И Советская Украина утверждает сегодня историческую правоту предвидения своего гениального сына: в семье вольной, новой она торжественно отмечает день рождения Кобзаря.

Т. Яблонская (Киев). ВЕСЕННЕЕ СОЛНЦЕ.

С. Лысенко (Киев). В СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ.

К. Ломыкин (Одесса). РІДНА МАТИ МОЯ.

А. СОФРОНОВ

Бессмертник

Вместе с ростовскими работниками мы — Евгений Поповкин и я — летели к Михаилу Александровичу Шолохову. Накануне получили от него телеграмму: приезжайте, поедем на Хопер, будет добрая уха... Легкий самолет низко пролетал над полями. Четко видны были животноводческие фермы, колхозные постройки, хутора и станицы. Широко лежали поля. Был август 1961 года. Урожай на Дону в тот год собрали превосходный. Председатель Ростовского облисполкома Иван Ильич Заметин рассказывал, как шла уборка. Настроение у наших спутников было приподнятое. Таким настроением заражались и мы, летя в станицу Вешенскую. К этому настроению еще прибавлялось волнение перед встречей с Михаилом Александровичем. В памяти у меня оставался его довоенный дом, в котором я побывал перед войной, и встреча с Шолоховым, когда я, еще желторотый ростовский поэт, приехал к нему, чтобы уговорить его сниматься в короткометражном документальном фильме, который предполагала выпустить Ростовская кинохроника. Помнится, Шолохов посмеивался по этому поводу, говорил, что не умеет позировать, да это и вообще не нужно, раз фильм хроникальный. Я уж и не помню все подробности дипломатических переговоров, но фильм, который мы с режиссером П. Василенко назвали «У тихого Дона», все же был сделан. Сохранился он или нет, не знаю, хотелось бы, чтобы сохранился, так как при всей робости авторов фильма он запечатлел Шолохова, работавшего в ту пору над четвертой книгой «Тихого Дона». С волнением я смотрел тогда на стол, за которым писались страницы бессмертной книги, не думая, что и дом этот и страницы книги подвергнутся испытаниям в годы войны. Шолохов был еще молод в те годы. Ему едва перевалило за тридцать, но он был знаменит не только в писательских кругах, его знали не только в округе Вешенской станицы, но все донское население повторяло легенды о Шолохове, называя его попросту Ляксандрыч. Несколько старых казаков считали, что Щукарь написан с них. Неподалеку от Вешенской расположен хутор Андропов. Я бывал в те дни на этом хуторе, и один из дедов всерьез уверял меня, что это именно он Щукарь. В доказательство дед показывал мне губу, за которую, по его словам, некогда зацепился крючок. Довольно быстро бегал и всячески демонстрировал бодрость. Дед был неграмотным, но все, что написано в «Поднятой целине» про Щукаря, знал отменно. Путешествуя верхом на коне по району, я познакомился с одним из казаков, биография которого чем-то была похожа на судьбу Григория Мелехова. Он так же отступал до Новороссийска... Возвращался домой, неся на спине седло, которое где-то обменял на полбуханки хлеба.

Очарование, правда «Тихого Дона» окружали каждого, кто бывал в те годы в районе Вешенской. Покорял и сам Шолохов простотой, доступностью людям и каким-то особым проникновением в душу собеседника. С тех пор я и не был больше в станице Вешенской. И вот теперь мы летели в гости к Михаилу Александровичу. Засинела широкая изогнутая полоса Дона. Замелькали под нами дома станицы Базки, расположенной наискосок от Вешенской. А вскоре мы уже въезжали в шолоховское подворье.

Михаил Александрович встретил нас на крыльце дома. Он стоял в белой рубашке с короткими рукавами, и ветер перебирал уже седые его волосы. Расцеловавшись с нами, Шолохов сказал:

— Ну, братцы, умывайтесь — и за стол. Перекусим немного, а потом отправимся на Хопер.

Но, как и всегда в таких случаях, за столом пошел долгий разговор о самом разном: об урожае, о строительстве дороги, которую прокладывали в ту пору от Миллерова к Вешенской... Михаил Александрович ожидал к себе в гости скандинавских книгоиздателей, с которыми давно поддерживал тесную связь. Известно пристрастие Михаила Александровича к этим странам и частые посещения Дании, Швеции и Норвегии. Он рассказывал нам о том, как предполагает встретить издателей, какие вопросы с ними обсудить. Звучали стихи и песни... Вдруг в комнату вбежала дочь Шолоховых Светлана и закричала:

— Вы здесь сидите, а в космосе летает Герман Титов!

Это была приятная новость. Зазвенели чарки за здоровье Германа Титова, за успех его полета. Михаил Александрович посмотрел на часы и сказал:

— Предлагаю ехать, а то просидим здесь весь день и не увидим Хопра да и стерляжьей ухи не попробуем.

По мягким проселкам катили машины к Хопру. Он здесь был неширок, быстр и удивительно красив. Невысокий крутой бережок, на котором мы остановились, и противоположный, с песчаными плесами, низко склонившимися к воде вербами. Незаметно пролетели часы, здесь на свежем степном ветру, под августовским солнышком. Время от времени мы включали в машине радиоприемник и слушали сообщения о полете Титова. Полет продолжался успешно... А потом наступил звездный вечер. Ярко горел у берега костер. Зазвучали старые донские песни. Мы услышали, как хорошо, с душой поет Мария Петровна, как выделяется в хоре ее низкий звучный голос. Около костра оказались казаки, близко знакомые Шолохову, и один из них с прибаутками рассказывал, как ходил в отступ, как хлебал горюшко в гражданскую войну. Он говорил, а поглядывал все на сидевшего Михаила Александровича, шевелившего палкой костер. Шолохов хитро улыбался, одними глазами, понимая, что эти байки казак рассказывает не для нас, а для него, но поскольку он уже не единожды их слышал, то пусть послушают и гости.

От реки шла прохлада, мы полулежали вокруг костра и смотрели на звездное небо. И было не просто соединить в одно и рассказы бывалого казачины и полет в космосе; очень уж короткий срок был между одним и другим.

...Спали мы в большой палатке, на соломе, покрытой брезентом. Раннее солнце разогнало нестойкий туман над Хопром, и все стали выбираться на воздух. Студеная вода быстро согнала сонное оцепенение. До завтрака все разбрелись кто куда. Михаил Александрович при-

сел на деревянный ящик. Утро сияло. Пахло свежескошенным сеном. Небо голубое, чистое, без единого облачка. В стороне слышались женские голоса, готовился завтрак. Шолохов смотрел на сверкающую у ног воду. Он был задумчив и словно бы рассеян. Я спросил:

— Как, Михаил Александрович, пишется?

Шолохов не ответил. Я не стал больше его тревожить вопросами.

— Вот тут все, в этой степи и прошло... Здесь,— сказал он после долгого молчания.— Не помню, сколько было, пятнадцать или шестнадцать лет мне, приговорили к расстрелу. Круто обошелся с кулаком... Ожесточение было... Два дня ждал смерти... А потом пришли и выпустили.— Шолохов усмехнулся.— Жить очень хотелось.

А я лежал на сене и думал: сколько раз этот человек, чье имя сейчас стоит первым в современной мировой литературе, ходил под смертью? Мы уже знали тогда, какая страшная угроза нависла над жизнью Шолохова в 1937 году. Те, кто безжалостно уничтожал безвинных людей, предъявляя им обвинения в чудовищных преступлениях, готовили убийство Шолохова. Только благодаря самоотверженности его друзей, и в частности Григория Погорелова, предупредившего об опасности, да еще незнакомого казака, стукнувшего в окошко и сказавшего Шолохову, чтобы он уезжал из Вешек, удалось избежать гибели.

Бывают у всех людей часы раздумий и воспоминаний... Видимо, и тогда воспоминания нахлынули на Михаила Александровича. В полдень он сказал:

— Поедемте, я вам еще покажу красивые места.

И снова по узкому проселку покатили машины. Кругом нас лежала бугристая степь, поросшая кустарником, пересеченная небольшими балками и оврагами. В одном месте машины остановились. Михаил Александрович пошел впереди всех. Потом остановился и тихо сказал:

— Здесь кругом похоронены мои товарищи. Под каждым бугром.

Мы молчали. Затихли шутки, все как-то посерьезнели. Шолохов нагнулся и среди бурого полынка отыскал несколько жестковатых цветков.

— Бессмертник,— проговорил он, раздавая нам по цветку.

Уезжали мы из Вешенской в Ростов уже машинами. Михаил Александрович со всей семьей стоял на крыльце, все в той же белой рубашке, и махал нам рукой:

— Приезжайте еще...

■

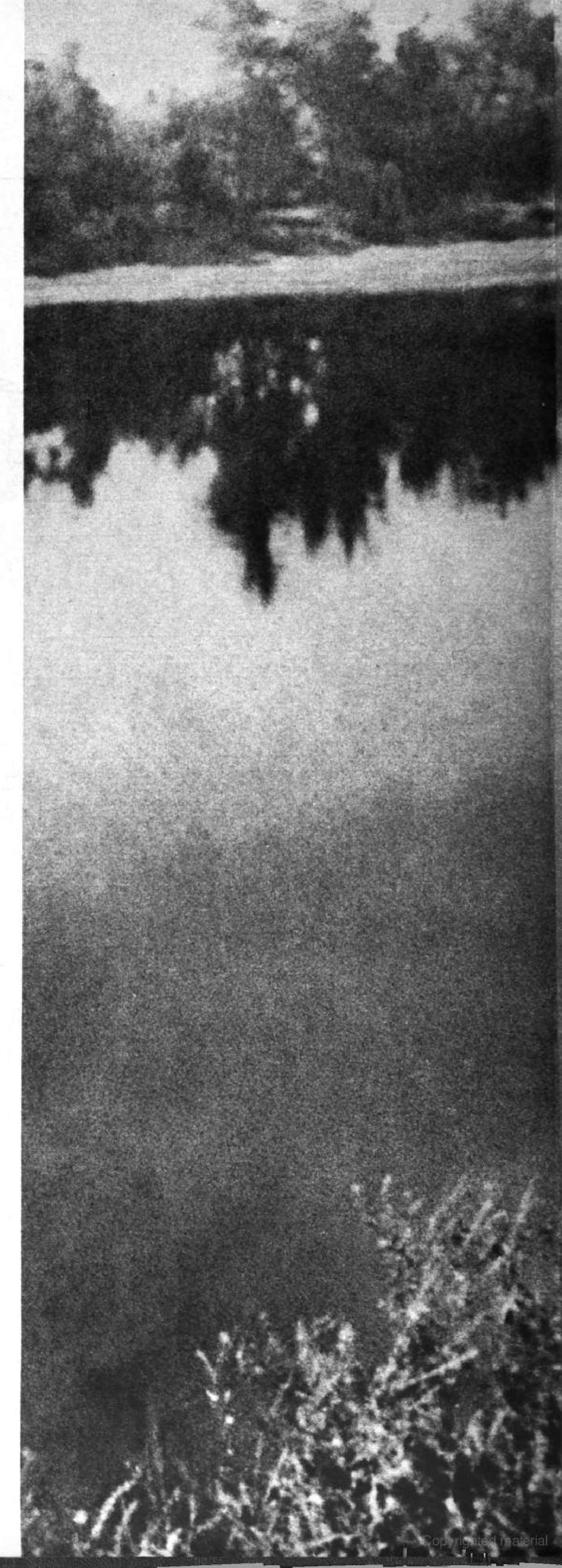
В апреле 1961 года, в журнале «Огонек» я опубликовал статью «Над бесценными рукописями «Тихого Дона». Известно было, что война докатилась до станицы Вешенской. Старый дом Шолохова был разбит. От осколка немецкой бомбы погибла мать Михаила Александровича. Сам Шолохов в то время был на фронте. Наши войска, занимавшие оборону по Дону, находились в Вешенской. Тогда-то и были найдены на земле страницы рукописи «Тихого Дона» и личная переписка Шолохова. Естественно, мало кто мог задуматься, что это и есть драгоценные рукописи. А кто и задумался, то, может, уже и поздно было. Все же часть черновиков подобрал неизвестный танкист и передал Шолохову. К сожалению, за это время остальные исчезнувшие черновики не разысканы. То ли пропали окончательно, то ли у кого еще хранятся. Но есть и другая сторона этого вопроса. Многие читатели «Огонька» отозвались на статью письмами, желанием помочь в розысках рукописи. Эти письма воссоздают картину тех дней в станице Вешенской и свидетельствуют об огромной любви к писателю и желании помочь ему в любом деле.

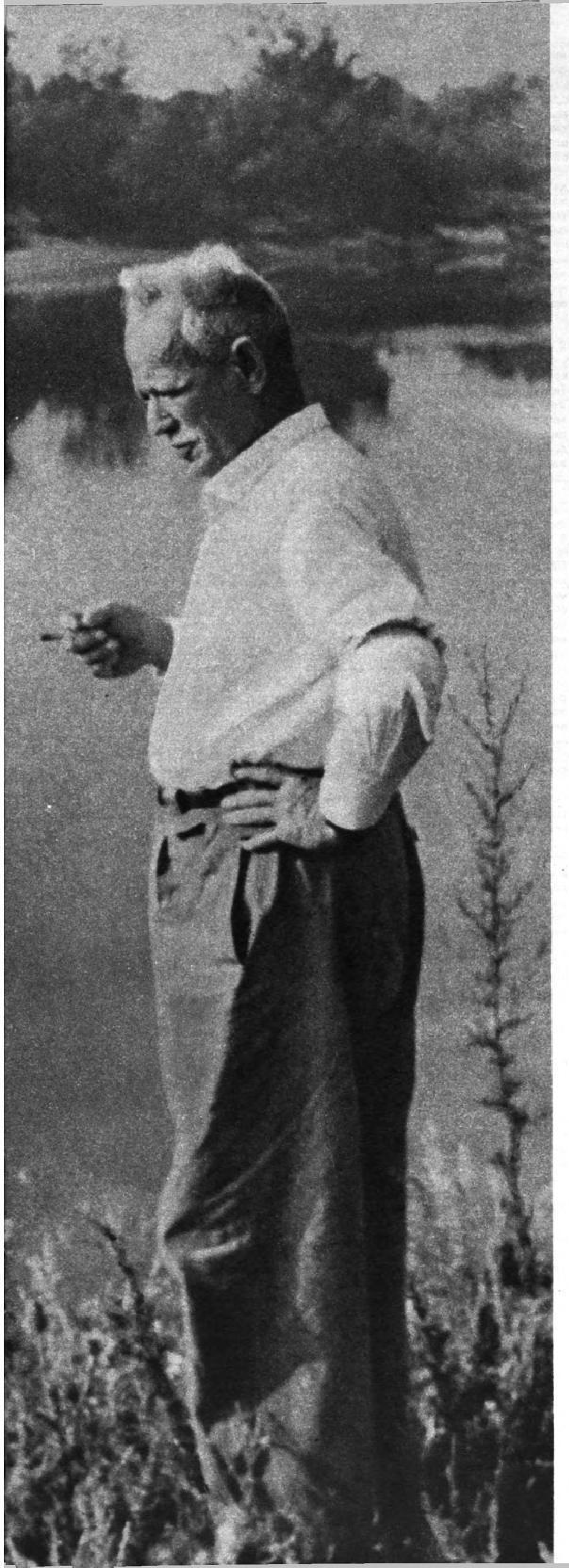
Что же было в станице Вешенской во второй половине 1942 года? Вот как об этом пишет подполковник в отставке Александр Иванович Уркин из города Камень-на-Оби, в Алтайском крае:

«Я немного в курсе дела. Во время боев в районе ст. Вешенской я был на этом участке фронта. Один из батальонов 97 стрелковой дивизии, которой командовал в то время генерал-майор Запорожченко Михаил Иванович, располагался в самой станице. Передовая линия фронта проходила по левому берегу Дона. Дом М. А. Шолохова двухэтажный и стоит почти на самом берегу,— он, конечно, был использован как наблюдательный пункт нашим батальоном. Немцы не могли не заметить этого и вели артобстрел этого дома. Были прямые попадания снарядов в дом.

В то время я состоял на службе при штабе 63 армии и по делам службы был в 97 стр. дивизии, в том числе и в батальоне, который располагался в Вешенской. Это было в конце ноября или буквально в первых числах декабря 1942 года (а 12 декабря Вешенская нами уже была оставлена, и мы перешли в наступление). Переходя по блиндажам в окопах (дело было ночью), я разговаривал со многими солдатами. В одном из блиндажей было до 10 солдат, с которыми я задержался дольше. Во время разговора закурили. Меня угостил из своего кисета один солдат. Когда я начал отрывать бумажку для цигарки из аккуратно свернутого пакетика, то обратил внимание на то, что бумага исписана фиолетовыми чернилами и по краям листов виднелась мелкая надпись красными чернилами. Я развернул весь пакетик бумаги и начал читать написанное. С первой же страницы я понял, что это рукопись М. А. Шолохова «Тихий Дон». Солдаты мне рассказали, что в дом попал снаряд и разбил там шкафы и ящики, а бумагу повсюду разносит ветром.

Пройдя по окопам, я отобрал у солдат рукописи более 20 листов. Все листы были разрознены, очень мало было порядковых страниц. Вернувшись в штаб батальона, я приказал командиру батальона (за давностью времени фамилии его я не помню) собрать в доме Шолохова все до единой бумажки, запаковать в ящики и отправить в хутор Березовка, где размещался штаб дивизии. Он обещал сделать это с наступлением рассвета, а я уехал в штаб армии с докладом о результатах своей поездки в 97 с. д.

В штабе я сразу же рассказал о своей находке заместителю начальника особого отдела 63 армии подполковнику тов. Беленькому. Он возмутился вместе со мной тем, что местные власти так беспечно отнеслись к сохранению архивов Михаила Шолохова. Ведь архив можно было сохранить без особого риска. Немцев в станице Вешенской не было. Немцы были только против Вешенской на правом берегу Дона. Станица Вешенская с 9 июля по 12 декабря была только на линии фронта, но там все время были наши части. К сожалению, руководители района обитали по хуторам за 15—20 км от Вешек. Мне приходилось коекого случайно встречать в Солоновке, в Березовке. А в Вешенской был только один наш батальон. Вот почему так случилось с архивом.

Хотя бы примерное содержание найденных мною страниц сейчас я не помню. Подполковник Беленький взял у меня листы рукописи и обещал доставить их по назначению. Вскоре мы пошли в наступление, а потом меня из этой армии перевели в другую. Больше с Беленьким я не встречался и дальнейшей его судьбы не знаю...»

А вот письмо подполковника С. Д. Заики:

«Летом 1942 года, когда немецко-фашистские орды подходили к р. Дон, я работал в то время в штабе артиллерии 28 армии, руководил в какой-то мере переправой артиллерийских частей армии через переправу в станице Вешенской.

На второй день переправы ко мне подходит командир одного из артиллерийских полков 28 армии (номера полка сейчас не помню) подполковник Эристов и говорит: «...Пройдись со мной и посмотри, какой я клад подобрал у дома Шолохова. Думаю, что оценивать его в золоте вряд ли возможно...»

Пройдя с тов. Эристовым несколько шагов по направлению к дому Шолохова, мы подошли к грузовой машине. Тов. Эристов забрался в кузов этой машины и начал показывать мне огромные пачки рукописей, приговаривая при этом: «...Смотри, это ведь золото. Это ведь «Тихий Дон», а это «Поднятая целина». После войны за все это мне большое спасибо скажут...»

Фронтовая жизнь сложилась так, что я больше не встречался с тов. Эристовым и не знаю дальнейшей его судьбы, а главное, не знаю дальнейшей судьбы тех рукописных материалов Шолохова, которые были подобраны в станице Вешенской».

Из далекого Приморского края, города Сучана, пришло письмо подполковника Василия Васильевича Зуева. Он писал:

«В мае месяце 1942 г., еще до подхода немецких войск к р. Дон, в составе 828 стрелкового полка 197 стрелковой дивизии прибыл в станицу Вешенскую. После короткого отдыха наш третий батальон переправился на правый берег р. Дон, где на высотах заняли оборону. Основные силы дивизии находились на левом берегу р. Дон, непосредственно в станице Вешенской. Вторично в станицу Вешенскую я попал 7 ноября 1942 г., после короткого отдыха во втором эшелоне, заняли передний край обороны наших войск в станице Вешенской. Днем многие солдаты и офицеры приходили посмотреть на дом, в котором жил и трудился выдающийся писатель Михаил Александрович Шолохов. Дом был поврежден осколками авиабомб, снарядов и избит пулями. Много во дворе, в квартире валялось листов, которые мы собирали и складывали в оставшиеся ящики и шкафы. В это время в дом приходили старушки, которые много рассказывали о М. А. Шолохове. Они рассказывали, что до войны им помогал М. А. Шолохов. «Наш Мишенька» — так называли они М. А. Шолохова. Приятно было слушать рассказы о замечательном писателе, отзывчивом, душевном человеке. Из рассказов видно было, как он близок простым людям. Говорили так: «Кто мог дать лучше совет, чем М. А. Шолохов, кто может не отказать в помощи, как не М. А. Шолохов». Они говорили, что кое-что из оставшегося в доме они взяли к себе на сохранность. Жили они на юго-восточной окраине станицы Вешенской в отдельном домике. Может, и сейчас что осталось там.

Мне кажется, что есть надобность обратиться к бывшим воинам 197 стрелковой дивизии, которая обороняла станицу Вешенскую с мая 1942 по декабрь 1942 г. Видимо, помнят эти дни и события политработники 197 стр. дивизии. Оставшиеся в живых защитники станицы Вешенская помогут разыскать ценные рукописи. К немецкой армии рукописи попасть не могли, т. к. станица Вешенская не сдавалась.

Можно обратиться к моему старому другу, с которым вместе воевали в то время, к бывшему ст. сержанту Сыткову Ивану Васильевичу, который часто бывал в станице Вешенской и, может, помнит что-нибудь о рукописях М. А. Шолохова.

Частая смена местожительства прервала нашу переписку, и я точно адрес не помню. Он жил в г. Прохладном».

И, наконец, среди многих других писем, еще одно — от Ивана Ивановича Мирошникова, живущего в городе Каменске, Ростовской области:

«Это было, кажется, в июне или июле 1942 года. После тяжелого боя наша 192-я стр. дивизия вынуждена была отойти с последних позиций на правобережье Дона — хут. Перелазовский, Евстратовский — на ст. Сиротинскую.

Немцы бросили на нас сотни танков, самолетов, и все, что смогло вырваться из огненного пекла, устремилось к переправам через Дон немного южнее станицы Клетской. Зной адский, пыль, грохот, гибель товарищей и трагедия отступления, неимоверное нервное напряжение настолько измотали нас, что мы были похожи на тени. Я командовал тогда взводом ПВО, и наши машины с крупнокалиберными пулеметами прибыли к переправе, когда там уже кипела настоящая каша — в пойме, поросшей лесом, сгрудились тысячи машин, повозок, орудий, но жалкий понтонный мостик не мог пропустить всех.

Несколько женщин проходили мимо наших машин, одна из них, видимо, потеряв остаток сил и надежд уйти от опасности, подошла к нашей машине. Попросила пить. Разговорились. Она сообщила мне, что сама из Вешек, учительница местной школы, бежала вместе с другими жителями во время бомбежки станицы немцами.

— Что они сделали с нашей станицей? — плача, рассказывала она

Фото Я. РЮМКИНА.

нам.— Налетели, как коршуны, все вверх дном поставили! Над домом Шолохова, звери, специально кружились, десяток самолетов, и бросали бомбы... Одна попала прямо в дом, мать Михаила Александровича убита... Бежим мы мимо, а вокруг дома все бумагами устлано. Прямо в пыли ящики с бумагами стоят — это то, что успели соседи выхватить. Люди берут и по домам тащат. Взяли и мы с девчатами. Я вот полную сумку набила — ведь все равно немцы станицу займут и неохота, чтобы в их руки попали такие бумаги... Может, они ценные?

Ночь вокруг. Темень. Стонут раненые в кузове — мои бойцы, и разве там было до чьей-то одинокой судьбы? На наших глазах гибло все, но мне почему-то захотелось помочь этой девушке. «Бежала, все дома бросила, жизнью рисковала, а бумаги не бросила!» — с уважением подумал я. Подумал и решил переправить ее на левый берег... Мы укрыли ее в своем кузове и, когда пришла наша очередь, перевезли ее с собой.

Она пробыла с нами двое суток. На вторую ночь закипел бой за переправу. Мы били по немецким самолетам. В живых нас осталось мало. Пришлось самому лечь за пулемет — били всю ночь. Я сбил почти в упор «юнкерса». Во время одного из налетов поднялась суматоха, и наша знакомая бросилась спасаться в ровики от машин и затерялась в темноте — мы рванулись в колонне вперед, а она, видимо, потеряла нас из виду.

Зовут ее не то Поля, не то Тоня. Рост средний, миловидная, русая (вернее — темно-русая), глаза карие, широко открытые. Многое забылось, но лицо это по-прежнему стоит у меня перед глазами — грустное, милое, усталое и беззащитное — я его сразу бы узнал! Мы угощали ее макаронами с маслом, она нас — помидорами, сорванными где-то на огороде, и когда раскрывала сумку, я видел кипы писем, исписанные четким, правильным почерком страницы и должен буду сказать, что только в 1958 году я точно узнал, что почерк этот действительно шолоховский.

Знал я и ее фамилию, но уже забыл. Ее могут помнить мои бывшие бойцы — шофер машины Порох, Петренко (он житель гор. Анапы) и др.».

Из приведенных здесь и других присланных нам писем можно получить представление о том, что происходило в станице Вешенской во второй половине 1942 года. Прошло много времени с тех пор, память могла изменить в чем-то пишущим (в частности, в определении времени, когда рукописи Шолохова оказались на улице), но в остальном, как говорится, факты сходятся.

В рассказах участников событий 1942 года мы видим удивительное единство в отношении к шолоховским рукописям. И то, что часть черновиков не сохранилась, можно отнести за счет чрезвычайной обстановки, в какой оказался дом Шолохова и его архивы в те тяжелые дни.

Рожденные талантом Шолохова на берегах Дона «Тихий Дон», «Поднятая целина», рассказы из «Лазоревой степи», «Судьба человека» принадлежат всему народу. Отсюда они вышли, здесь писатель жил и живет, сюда же они возвращаются, вобравшие в себя опыт жизни всего народа, неповторимые характеры, проявленные на крутых поворотах истории нашего государства. Любой человек, пожелающий в этом убедиться, может это сделать без труда, стоит ему только снова и снова перечитать все, что написал Михаил Шолохов. Не надо приводить особых доказательств небывалой популярности Шолохова не только в нашей стране, но и во всем мире. В Соединенных Штатах Америки, в Индии, в Японии, в маленькой Исландии, в Новой Зеландии и Австралии, во многих других странах расспрашивали меня о том, что пишет Шолохов, как его здоровье, когда появится новый роман, над которым он сейчас работает. Это не только популярность имени или короткая мода на ту или иную комету, прочертившую параболу в литературных небесах. Ведь, что греха таить, охочие до сенсации западные обыватели подчас с ног сбиваются, чтобы получить автограф или запечатлеть на фотопленку лицо нашумевшей кометы, одной-двух строчек не зная из того, что эта комета сочинила! Насколько же глубок и интернационален талант Шолохова, если его герои, их жизнь, их характеры становятся близкими миллионам читателей в различных странах! Почему это происходит? Что за тайники заложены в шолоховских произведениях? Этому, кроме огромной талантливости Шолохова, есть еще, пожалуй, очень простое объяснение. Шолохов — глубоко национальный и социальный писатель. События, описываемые в его произведениях, могут происходить только там, где они происходят, а характеры его героев могли сложиться такими только потому, что они выросли на определенной, национальной русской почве. Иногда просто удивляешься тому пониманию, с каким воспринимают и оценивают шолоховских героев зарубежные читатели.

Летом 1962 года мы побывали в Норвегии. Поездка была в основном туристская. Мы вдоволь любовались удивительно красивыми пейзажами Норвегии. Но вряд ли кому может доставить удовольствие молчаливое передвижение поездом и автомашинами, посещение музеев и выставок. Поэтому вместе с В. Кочетовым, Н. Грибачевым, Е. Поповкиным и Г. Мдивани мы старались побольше видеться с людьми разных профессий и через них узнать страну изнутри. Познакомившись с Осло и Тронхеймом, мы после путешествия по воде вдоль норвежских берегов на пароходе, ранним утром причалили в Бергене. Я уже бывал в этом своеобразном, запоминающемся рыбными базарами городе. Но и в этот раз как бы заново смотрел на город, с его пристанями и старыми постройками, с его узенькими улицами и музейными домами. Здесь, как и по всей Норвегии, много наших друзей, активно работающее отделение общества «Норвегия — Советский Союз». И вполне было естественным, что нас пригласили на встречу с активистами общества в кафе Народного дома. В Бергене живет небольшая, но сильная группа норвежских писателей, связанных личной перепиской и знакомством с нашими писателями. У некоторых из них издавались в Советском Союзе книги. Наша группа была составлена тоже из писателей, поэтому беседа, проходившая за чашкой кофе, приняла литературный характер. Зная, что в Норвегии произведения Михаила Шолохова очень известны, мы задали вопрос:

— Чем можно объяснить популярность Шолохова в Норвегии?

— Я могу ответить советским друзьям,— сказал наш старый знакомый, писатель Болстад,— конечно, это — мое личное мнение. Норвежский читатель любит форму хроники. У нас этот жанр пользуется большим успехом. Но если сказать так, то ответ будет не полным. Шолохов обладает исключительным талантом рассказчика. В его произведениях нет ни одного мертвого пункта. Шолохова как бы читаешь двумя парами глаз. Одной парой читаешь то, что написано, а другой—то, что еще под это подложено. Поэтому наши читатели и приходят в восторг. Шолохов сделал Григория Мелехова врагом, путь его оказался таким. Но весь путь Мелехова описан объективно. Мы имеем возможность рассматривать его со всех сторон. Я, может, выскажу мысль, с которой не все согласятся, но «Тихий Дон» читают не только ваши друзья, но и ваши противники... И, вероятно, многие из них симпатизируют Мелехову. Они не хотят, чтобы он переплыл реку и выбрался на ваш берег...

После Болстада слово взял рабочий-пенсионер Эриксен:

— Я читал Шолохова всего, все, что издано на норвежском языке. Я читал и старался войти в мир шолоховских героев. Что мне нравится у Шолохова, это — человеческое описание событий. А это больше всего любят такие читатели, как я. У Шолохова всегда человек — основная фигура в произведении. Мы видим, как этот человек переходит от одного жизненного этапа к другому. Это захватывает читателя. Можно сказать, что все, что написано у Шолохова, имеет отношение не только к русским людям, но и к тем, кто живет в Америке и Англии, во всех странах... Это потому, что через героев книг Шолохова мы знакомимся с жизнью народа, с его молодежью, видим, откуда рождается и как воспитывается тип нового человека.

Здесь же, на беседе, присутствовала писательница Юханна Бюгге Ульсен. Она также пожелала принять участие в разговоре.

— Повествование в «Тихом Доне» ведется по форме так же, как в некоторых книгах норвежских писателей. Только, я бы сказала, более красочно и захватывающе. Самое главное в том, что каждый в шолоховских героях узнает себя или того, кого хотел бы он видеть. Читатель всегда имеет возможность сравнить, найти какие-то человеческие черты. Это может быть только с произведениями очень талантливых писателей. Очень важно для писателя, чтобы молодежь хотела быть похожей на тех или иных героев литературных произведений. Это, конечно, относится не только к прозаическим книгам, но и к драматическим произведениям. Если мы сидим в театре и остаемся равнодушными к тому, что происходит на сцене, значит, то, что мы смотрим,— вещь пустая, без сердцевины. Если же мы заражены, волнуемся, значит, автору удалось сказать то, что он хотел. К хорошим книгам хочется возвращаться снова и снова. Так и к «Тихому Дону», я лично перечитываю его бесконечно. Вообще-то этот вопрос можно обсуждать целую ночь...

Да, действительно, достоинства шолоховских книг можно было обсуждать в Бергене целую ночь. Невольно мы задали первый вопрос нашим норвежским друзьям и вызвали удивительно единодушные ответы. А нам еще предстояло ответить и самим на многие вопросы, которые приготовили для нас наши хозяева, очень радушно встретившие советских писателей в Народном доме города Бергена.

Уже где-то около полуночи вышли мы на улицу. Путь в гостиницу лежал мимо рыбного базара. Днем здесь на прилавках были горы рыбы, креветок и крабов. Сейчас по соседству с базаром сверкали разноцветные фонарики. Работали аттракционы. По торцовым мостовым ходили в обнимку с девушками морячки... Казалось, в этой ночной картине, озаренной бледным лунным светом, не было ничего похожего на родные места. И все же мы шли со странным ощущением того, что прикоснулись к чему-то близкому. Норвежский город Берген, казавшийся нам поначалу далеким и малопонятным, вдруг словно бы открыл нам свое сердце и сделался близким и знакомым.

■ * * *

В нынешнем году весной в Ростове я встретил Михаила Александровича. Он был здесь уже около двух недель и провел это время в долгих беседах с участником последней войны генерал-лейтенантом Лукиным, человеком нелегкой судьбы, бывшим командующим армией на Западном фронте. В составе этой армии, в газете, были и мы, несколько ростовских писателей. Я лежал после ранения в госпитале, когда в сентябре 1941 года в районе Дорогобужа в нашу армию приезжали Михаил Шолохов, Александр Фадеев и Евгений Петров. Генерал Лукин в те дни принял командование армией, в оборонительных боях был тяжело ранен и в бессознательном состоянии захвачен в плен. Суровые испытания пришлось перенести русскому генералу в фашистских концлагерях, прогнал он от себя презренного изменника Власова, пытавшегося склонить Лукина на свою сторону, вынес все и не сдался. И вот теперь встретился с Михаилом Александровичем в Ростове. Шолохов был доволен этой встречей. Он сказал мне, что хорошо поработал. И сейчас, как и всегда, мы ждем окончания новой книги «Они сражались за Родину», книги, части которой мы хорошо знаем.

В мае 1965 года Михаилу Александровичу исполнится шестьдесят лет. Большие годы прожиты писателем, чье имя стоит в одном ряду с такими гигантами русской литературы, как Лев Толстой и Максим Горький. Это будет всенародный праздник — день рождения великого современного писателя, теснейшими узами связанного с жизнью своего народа, познавшего и годины тяжелых испытаний и счастье могучих побед.

...И все мне видится Михаил Шолохов в легкой белой рубашке, стоящий в полынной степи на Хопре и протягивающий своим друзьям степной цветок с жесткими голубоватыми лепестками — бессмертник.

«Бестия» начинает жизнь

В дверь одной из лабораторий Института прикладной физики в американском штате Мэриленд постучали. Никто из сотрудников, находившихся в помещении, не сказал обычное «войдите»; лишь молодой человек, сидевший у крайнего стола, встал и открыл дверь. В комнату с тихим жужжанием вкатился странный робот.

Конструкторы дали ему прозвище «Бестия», хотя это «существо» отличается чрезвычайным миролюбием. Его единственное назначение — «выжить», приспособиться к окружению. Для этого его снабдили щупальцами, ногами, которые информируют его о «рельефе местности», электронным мозгом, позволяющим ориентироваться в сложных «перипетиях жизни». Решен вопрос и с питанием: эти функции выполняют двенадцать серебряно-кадмиевых батарейных элементов. Если «Бестия» чувствует голод, то есть батарейный запас близок к истощению, она ищет в стене розетку, прижимается к ней и получает очередную дозу «корма». Телеметрическая система постоянно информирует конструкторов о поведении робота.

Недавно в конструкцию «Бестии» внесли новые дополнительные изменения: ей приделали два уха. Специальное звуковое устройство излучает импульсы, которые отражаются от стен и других препятствий. Это помогает роботу свободнее ориентироваться в пространстве.

Ученые считают, что небольшие «чувствующие» роботы послужат ступенькой для создания электронных приборов, с помощью которых можно будет без риска исследовать дно океанов и морей, спускаться в глубокие подземные пещеры, изучать поверхность других планет.

Пожарники без лестниц

В западногерманской печати сообщалось об оригинальных пожарных машинах. Вместо лестниц в такой машине находится огромная гидравлическая мачта. На конце мачты — площадка для шести пожарников и пульт управления.

Новые машины особенно удобны для спасательных операций при пожарах в многоэтажных зданиях.

Есть ли второй «Гольфстрим»?

Ученые научно-исследовательского судна ГДР «Профессор Альбрехт Пенк» открыли в Африке в Гвинейской бухте теплое подводное течение. Протекает оно около экватора на глубине до 300 метров с запада на восток. Экспедицией установлено, что ход этого течения в три раза быстрее, чем воды на поверхности океана, идущей в противоположном направлении — с востока на запад.

Ставится вопрос: не второй ли это «Гольфстрим»?

АВТОДОРОГА БЕЗ ГОЛОЛЕДА

В Италии, между берегами Средиземного и Адриатического морей, сооружается автострада, на которой никогда не будет гололедицы. Дело в том, что на участках, где дорога поднимается на высоту более 900 метров, в бетон устанавливаются специальные электрогрелки. Снег и дождь на дороге не замерзают.

ГИГАНТСКИЙ ПАРОМ

В Дании построен трехпалубный паром «Арвепринс-Кнуд», на котором может поместиться 400 автомобилей. На судне остается место еще и для 1 500 пассажиров.

СУДЬБА НИАГАРСКОГО ВОДОПАДА

Установлено, что знаменитый Ниагарский водопад, находящийся между озерами Эри и Онтарио, каждый год перемещается вверх по течению на один метр. За все время своего существования он уже передвинулся на десять километров. Ученые высчитали, что через 20 тысяч лет водопад приблизится вплотную к озеру Эри и исчезнет. Вместе с его исчезновением пересохнет и озеро.

ЖИЗНЬ ВО ВСЕЛЕННОЙ?

Ровно сто лет назад на юге Франции в Оргейе упал метеорит, который до сих пор вызывает яростные споры ученых. Дело в том, что большинство исследователей скептически указывало, что органические вещества, найденные в метеорите, явно земного происхождения.

Другие, и в их числе лауреат Нобелевской премии химик Гарольд Юри, советовали отбросить скепсис.

А недавно установили, что найденные вещества очень похожи на нефть и не могли образоваться в нашей богатой кислородом атмосфере. Спор далеко не закончен. Тем более что речь идет об одном из кардинальных вопросов современной науки — о жизни во вселенной.

Фотография голоса

Машины, управляемые голосом,— таково ближайшее будущее кибернетики. Но как выделить из целого хора голосов голос «хозяина»? Сможет ли машина узнать именно его и не реагировать на приказания посторонних? Сможет. Каждый голос, как и отпечатки пальцев, неповторим, и его всегда можно узнать по характерным линиям спектрограммы. Американские ученые уже добились от машины почти стопроцентной надежности узнавания.

ПРАКТИЧНЫЙ ТРАКТОР

В Чехословакии выпущен новый тип трактора — «Т-180». Трактор интересен тем, что к нему можно прицепить прицеп, способный передвигаться по любым дорогам, вместимостью до 12 кубометров, скрепер и опрокидывающийся назад самосвал.

«Одра-1003»

Польские ученые сконструировали электронную счетно - вычислительную машину «Одра-1003», которая может управлять производственными процессами на расстоянии. Новое устройство успешно выдержало первый экзамен: контролируя резку прокатных изделий на одном металлургическом заводе, оно отдавало приказы на расстояние в 150 километров. Из цеха по телеграфу передавалась необходимая информация. «Одра» меньше чем за минуту высчитывала наилучший вариант резки. Соответствующие указания «начальника» поступали обратно на металлургический завод раньше, чем стальная лента достигала резального приспособления.

Африка уплывает

Британские ученые, исследовавшие малоизвестные районы Индийского океана, установили, что в области Аденского залива земля нагревается в 4—5 раз больше обычного. Это указывает на повышенную активность в ее недрах и еще раз подтверждает тезис, что Африка «уплывает» от Аравии. Согласно этой точке зрения, третья часть света ежегодно удаляется от Аравийского полуострова приблизительно на один сантиметр.

Картофель плюс лучи

Две грядки картофеля. На одной буйно кустятся растения, радуют глаз свежей зеленью, на другой картофель заметно пониже, поскромнее. Что это? Идет испытание нового сорта? Нет, на обеих грядках один и тот же сорт — Пренекульский-ранний. Только на одном клубни перед посадкой обработаны гамма-лучами и раствором ростового вещества гиббереллина.

В совхозе «Коломенский», Московской области, с помощью сотрудников Научно-исследовательского института картофельного хозяйства такие опыты ведутся уже два года. Облученный картофель дал прибавку 22 центнера с гектара, а обработанный гиббереллином — еще 15 центнеров. Увеличилось содержание крахмала.

Новые методы повышения урожайности картофеля эффективны и не требуют больших затрат.

Мороз и розы

Все садоводы знают, что, пожалуй, самое трудное — сохранить посадки роз зимой. Учеными Главного ботанического сада Академии наук разработан новый способ укрытия цветов. На помощь пришла химия. Над розовым кустом устанавливается специальный каркас, затянутый полиэтиленовой пленкой. Первый же снег, как шубой, укутывает полиэтиленовый домик.

Но розы страдают зимой не столько от заморозков (они выносят температуру до восьми градусов холода), сколько от сырости и грибковых заболеваний. Пленка же не пропускает воду, защищает растение от сырости. Все чаще можно увидеть эти нежные, удивительно красивые цветы в парках и скверах городов с относительно суровым климатом русского Севера. Например, в Центральном сибирском ботаническом саду посадки роз занимают около пяти гектаров.

Пушка сушит фрукты

Свежие овощи, фрукты, цветы, травы сушат на солнце, сушат горячим воздухом, сушат в шкафах. Но это длительный процесс — от нескольких часов до нескольких дней. В мгновенной сушке заинтересованы фармацевты, химики, пищевики. Сейчас такой метод нашли советские инженеры. Морковь и яблоко, лекарственные травы и картофель сушат взрывом. Разрезанные на дольки яблоко, морковь, картофель закладывают во вращающийся цилиндр-пушку и нагревают. Давление в герметически закрытом цилиндре повышается, через несколько минут крышку отвинчивают, давление резко падает — происходит взрыв. Влага овощей мгновенно превращается в пар. Ломтики овощей и фруктов делаются легкими и пористыми, а цвет и вкус, а главное, питательные качества остаются такими же, как у свежих.

Корабль на шарнире

История кораблекрушений знает трагические случаи, когда огромные океанские корабли во время шторма переламывались пополам. Надо сказать, что когда корабль, попав в бурю, взлетает на гребень волны или носом и кормою опирается на две волны, то корпус судна в этот момент испытывает огромное напряжение. Причем чем крупнее корабль, тем сильнее такая опасность.

Сейчас японская фирма «Син Мицубиси» начала проектировать огромный танкер водоизмещением 130 тысяч тонн. Конструкторы решили разрезать этот океанский гигант и соединить обе половинки шарниром. Диаметр шарнира — полметра.

Интересно, что такую разрезанную громадину можно построить вдвое быстрее: ведь каждую половинку делают отдельно.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ

В бою под Варшавой самолет «ИЛ-2», пилотируемый штурманом полка Анной Егоровой, горящим факелом рухнул на землю, занятую врагом. Экипаж считался погибшим. Прошло полгода, и выяснилось, что штурман Егорова, едва живая, попала в плен. Ее спасли советский врач Георгий Синяков и югославский доктор Павел Трпинац. Обо всем этом было рассказано в очерке В. Тимофеева «Штурман полка» («Огонек» № 45 за 1963 год).

Недавно мы узнали новые подробности этой истории. Из Югославии в адрес редакции пришло письмо — перевод опубликованного в журнале «Илустрована политика» репортажа о русской летчице Егоровой и югославском докторе Трпинаце, проживающем в Белграде. Мы публикуем этот репортаж с некоторыми сокращениями.

Был конец августа 1944 года. В больничную комнату вдруг ворвался русский санитар: «Товариш врач! Случилось нечто невероятное. Немцы в лагерь привели русскую девушку. Она тяжело ранена. Говорят, что она летчица и что ее самолет сбит в воздушном бою». Это была Анна Егорова.

Доктор Трпинац предпринял все возможное, чтобы девушку вылечить. Вначале летчица была осторожна, но, увидев, каким вниманием ее окружили, стала более откровенной с Трпинацом.

Когда французские военнопленные узнали, что в лагере находится женщина-пилот, они немедленно собрали разные лакомства — сухари, консервы — и послали ей. Так же поступили и пленные английские пилоты.

Заботами доктора Трпинаца и Синякова летчица быстро поправлялась. Это радовало всех. Но врачи были обеспокоены. Они знали что, как только Егорова поправится, ее тотчас отправят в концентрационный лагерь с более строгим режимом. Тогда разработали такой план: лечить не все раны, оставить некоторые ожоги незажившими и таким образом замедлить выздоровление.

На рассвете январского дня 1945 года немцы неожиданно решили перевести лагерь в другой район. Но Анна Егорова и еще десять пленных были оставлены на прежнем месте.

Доктор Трпинац мог только сквозь мрак снежного и холодного дня последний раз посмотреть на барак, в котором лежала его больная. Он должен был уехать, не простившись.

С тех пор доктор Трпинац ничего не слышал об Анне Егоровой и Георгии Синякове. И только из статьи в «Огоньке» он узнал о судьбе этих двух своих военных друзей.

— Я буду писать им через редакцию «Огонька»,— сказал в конце нашей беседы профессор Трпинац.— Дни в плену были ужасны, но никогда я не забуду нашей дружбы и слов ободрения, которые нам говорила полумертвая, вся в ранах, храбрая русская девушка.

■

Мы пригласили Анну Александровну в редакцию, чтобы ознакомить ее с рассказом доктора Трпинаца и заодно вручить ей присланный для нее сувенир из ГДР.

— Хочу надеяться,— говорит Анна Александровна,— что теперь откликнутся и те советские летчики, которые побывали в Кюстринском лагере, которые в знак морального единства сплели для меня соломенную сумочку.

Анна Егорова вспоминает тех, кто спас ее от неминуемой смерти. Однажды, лежа на носилках во дворе, она услыхала, что кто-то рядом поет: «И никогда не жаждал я так жизни, мой час настал, и вот я умираю...» Это пел для «синьорины Анны» итальянец Антонио.

— Кто знает,— говорит Анна Александровна,— может быть, ария Каварадоси, которую исполнял Антонио, была последней в его жизни?

Она просила через редакцию «Огонька» поблагодарить польского патриота, который с риском для жизни, каким-то чудом однажды пробрался в ее камеру и, вынув из кармана тесемку, сказал: «Жива, паненька. За то слава Иисусу! Я пришел снять мерку. Сошью тебе из старой английской гимнастерки потрясающей красоты жакет». И, заметив ее удивление, добавил: «Не беспокойтесь, паненька, жакет будет по последней варшавской моде!»...

Анна Егорова и доктор Георгий Синяков.

Судьба Анны Егоровой потревожила сердца многих советских и зарубежных читателей. На ее имя — и к ней домой и в редакцию — приходит много писем. Артиллерист полковник Паппа пишет, что 20 августа 1944 года, находясь на Магнушевском плацдарме, он сам видел, как трагически погиб экипаж самолета «ИЛ-2». И только из «Огонька» он узнал, что на штурмовике были две девушки. Учащиеся 663-й московской школы сообщают, что они присвоили имя героини Великой Отечественной войны Анны Егоровой одному из лучших своих пионерских отрядов.

Прощаясь с нами, А. Егорова попросила редакцию опубликовать следующее ее письмо доктору Трпинацу:

«Дорогой доктор, дорогой Павел Трпинац!

Я бесконечно рада. После девятнадцатилетней паузы вновь услыхала близкий моему сердцу Ваш голос! Через моря и горы протягиваю руку Вам, мой исцелитель, и от всего сердца говорю русское спасибо за все, что сделали для меня Вы вместе с Георгием Федоровичем и Юлией Кращенко-Пелиховой.

Я хорошо помню Вас, милый доктор! Рассказываю близким о том, как Вы (ростом едва ли не с самого Петра Великого) заходили «подискутовати» и, урвав миг, шептали: «Добрые вести принес вам, русские славно продвигаются на запад». Помню, как однажды Вы принесли кусочек карты с обозначением линии фронта и собирались обрадовать меня, да помешал фельдфебель... Припоминаю и печальный случай. Вы потеряли обручальное кольцо и долго горевали в предчувствии недоброго. Спасибо Вам, доктор, и за синий шарф, который подарили мне в морозный день!

Пользуюсь случаем, чтобы сказать слова благодарности находившимся вместе со мной в лагере английским летчикам за присланную мне шинель, французским и английским офицерам, которые отрывали от своего скудного пайка лучшие крохи и пересылали мне. Сердечное спасибо тому изголодавшемуся ЧЕЛОВЕКУ, который однажды прислал мне суточную пайку лагерного хлеба с запиской внутри: «Будь тверда, как этот хлеб!» И еще великое спасибо всем тем, кто в страшную пору моей неволи помог сохранить мой партбилет и ордена, кто присылал записки: «Держись, сестренка!»...

С уважением А. Егорова».

Вл. ПАВЛОВ

Их обоих я узнал во время поездки во Францию в составе делегации Советского комитета ветеранов войны. Первый — инженер-конструктор Алексей Федоров, он был членом нашей делегации. А со вторым мы познакомились в живописном французском городке Гренобле, зажатом среди снеговых вершин Альп, в конторе завода «Норпик». Познакомились за час до объявления общезаводской забастовки.

У того, второго, было широкое лицо с широко расставленными глазами. Славянскую принадлежность этого лица не могли скрыть ни краешек носового платка, кокетливо выглядывавший из карманчика довольно-таки потрепанного пиджака, ни узенькие клетчатые брюки. Коммерческий директор «Норпика», который давал нам пояснения, представил его небрежным кивком:

— Мсье э-э-э... Сиелдешофф.

Мсье торопливо добавил:

— Совершенно верно, Сельдешов. Сельдешов Сергей Аполлоныч.

Видимо, коммерческий директор торопился уехать, чтобы забастовка не застала его на заводе. (Потом нам рассказывали, что у него были для этого основания: однажды забастовщики чуть было не намяли директору бока.) Сельдешов с трудом успевал переводить его пояснения. Он взмок, поминутно вытирал лоб. В промежутках, пока Сельдешов переводил, коммерческий директор нетерпеливо подергивал холеными, в кольцах, пальцами край своей рабочей куртки из темно-синей шерсти, отчего Сельдешов вздрагивал и ускорял и без того быструю речь.

Наконец пояснения были окончены. Коммерческий директор собрал бумаги, вежливо осведомился, нет ли у нас вопросов, извинился и уехал. Мы спустились по лестнице и оказались на просторном заводском дворе.

— Вы русский? — спросил я у Сельдешова, который шел рядом со мной.

— Да, русский. Но уже давно здесь. С тридцать пятого...

— А как же...— Я слегка замялся, не решаясь спрашивать прямо. Но Сельдешов угадал вопрос:

— Интересуетесь, как я здесь оказался? Да вот послали меня учиться, а я не вернулся. Невозвращенец...

Все стало ясно. В далекие годы первых пятилеток, когда наша страна не имела еще достатка в технических кадрах, на выучку к капиталистам было отправлено несколько групп молодежи. Их возвращения с нетерпением ждали на стройках, на заводах десятки и сотни людей, жаждущих перенять то, чему молодые выучились за границей. Немалых денег обошлось нашему, в то время еще небогатому, испытывающему огромные трудности и лишения народу содержание и обучение студентов в других странах. Но вот они выучились и вернулись.

Сельдешов выучился, но не вернулся.

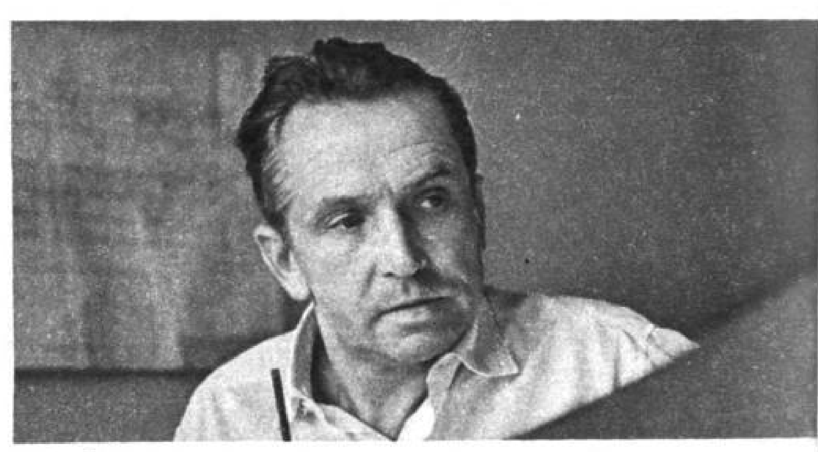
Я спросил его:

— И что же — не жалеете?

Сельдешов остановился, еще чаще замигал ресницами.

В это время глухо и грозно заревел гудок. Двери цехов распахнулись, заводской двор начал быстро заполняться рабочими в замасленных спецовках и кепках.

Прижатые друг к другу, члены нашей делегации, а вместе с нами и Сельдешов, увлекаемые толпой рабочих, вышли на широкую площадку посреди заводского двора. Здесь у глухой стены одного из цехов, среди цветочных клумб установлена мемориальная доска, скрытая сейчас мно-

А. А. Федоров.

жеством венков и букетов. На доске — имена рабочих завода «Норпик», участников отрядов движения Сопротивления, они попали в лапы гитлеровцев и были расстреляны у этой глухой заводской стены... Теперь рабочие «Норпика» собираются здесь на митинги во время забастовок, как бы продолжая борьбу, в которой сложили головы те, чьи имена высечены на мраморе...

— А я, знаете, тоже был некоторое время в отряде и тоже дрался, так сказать,— проговорил вдруг Сельдешов.

И увидев, что меня это заинтересовало, он, торопясь, глотая

мите. Пусть хоть моя нашивка побывает на родине...

Голос его дрогнул.

— Если б можно было,— тихо, с запинками проговорил он,— я бы пешком... Я бы босым, по шпалам, не оглядываясь, побежал бы сейчас домой...

И мне почему-то стало жаль его, бывшего моего соотечественника.

А теперь я возвращусь к тому, с кого начал,— к члену нашей делегации Алексею Александровичу Федорову.

В Париже мы расположились в отеле «Каре», на бульваре Распай.

зные судьбы

слова, рассказал, как туго пришлось ему в годы гитлеровской оккупации, как он скрывался от полиции, которая хотела упрятать его в концлагерь за то, что он русский, как, наконец, на горе Веркор его, голодного и умирающего, подобрал отряд «маки».

— Вы здесь, на «Норпике», инженером?

— Какое там инженером!.. Пригласили в бюро технической информации. На время, пока завод выполняет русские заказы...

...А вокруг нас шумело рабочее море. На подножку автомашины, заменявшую трибуну, один за другим вскакивали ораторы. Из толпы раздавались возгласы, над головами то и дело взлетали руки, сжатые в кулаки. Грозная, неуемная сила... Рядом с ней фигурка невозвращенца выглядела чуждо и странно.

Он вдруг спохватился, глубоко засунул руку во внутренний карман пиджака и долго рылся там. Наконец вытащил черный шерстяной лоскуток, на котором яркими желтыми нитками было вышито слово «Verkor». Я знал, что такие знаки нашивали на рукава партизаны, сражавшиеся на горе Веркор.

— Вот,— сказал Сельдешов,— это самая дорогая для меня вещь. Тогда я был человеком... Возь-

Рано утром, когда прохладный воздух был еще чист и напоен запахом цветущих каштанов, мы вышли перед завтраком походить по улицам.

Было пустынно. Лишь на углу в ожидании смены переминался с ноги на ногу усталый полицейский, да навстречу, торопливо постукивая каблучками, шли две женщины: одна совсем девочка, другая — постарше.

И вдруг утреннюю тишину прорезал крик:

— Алексей!

И ответный:

— Мадам Дешан!

Мы и ахнуть не успели, как одна из француженок — та, что постарше,— повисла на шее Алексея Федорова и без конца повторяла:

— Алексей! Алексей! Алексей!..

...По мере того как к лейтенанту Алексею Федорову возвращалось сознание, он припоминал, как встал, как скомандовал «Вперед!», как побежал по склону высоты, как с вершины этой высоты хлестали длинные разноцветные трассы. Потом что-то оглушительно ударило в голову, и высота, и дальний лес, и высокая трава у ног — все опрокинулось...

Когда он очнулся, в ушах стоял звон, тело сделалось невесомым. Он пробовал пошевелить рукой, ногой — ни руки, ни ноги не двигались. Федоров лежал и смотрел на высокое небо, по которому медленно плыли редкие облака.

Потом небо и облака загородила серо-зеленая шинель чужого солдата...

Бежать из лагеря Федоров пытался трижды, всякий раз неудачно. После третьей попытки его долго били и с месяц ничего не давали есть. У него начался голодный понос, вес упал до 49 килограммов. У человека, рост которого 170 сантиметров, столько, примерно, весят его собственные кости.

И все-таки Федоров выжил: молодость, спортивная закалка (до войны был мастером спорта) взяли свое. Помогли и товарищи по лагерю.

Едва окрепнув, предпринял новый побег. Было это 11 февраля 1944 года.

Первые три раза Алексей и его товарищи пробирались на восток. И немцы тоже искали их на этом маршруте. Может быть, именно поэтому первые три побега кончились неудачей. В четвертый раз беглецы, Федоров и его товарищ по имени Яшка, решили двинуться на юг.

Ночами, питаясь чем попало, полуживые от голода и от холода, прошли они Германию и перебрались через границу. Сразу же за пограничным столбом нашли сарай, забрались на сеновал. Незадолго до рассвета их разбудил хозяин сарая. Присветил фонарем:

— Англе?

— Но...

— Америкен?

— Но... Рус...

— О!.. Мы голландцы. Предателей у нас в селе нет!

В Голландии наконец удалось сбросить ненавистную полосатую лагерную одежду. До бельгийской границы их провожал... голландский полицейский, который вручил им на прощание мешочек с бутербродами и рассказал, как найти коммунистку Гертруду Герест. Гертруда Герест снабдила беглецов деньгами и адресами и составила для них рукописный русско-французско-немецкий словарь.

Так и вели русских от дома к дому все ближе и ближе к заветной цели — к швейцарской границе — заботливые руки разных людей.

И вот Алексей и Яша — на автобусной остановке, расположенной на окраине Парижа. Отсюда в небольшой городок Мелен. Чтобы не ошибиться, надо прочитать расписание. Но как? Автобусы приходили и отправлялись. Алексей и Яков долго рассматривали аккуратно разграфленную доску расписания, но так ничего и не смогли понять. Мимо, мерно шагая коваными сапогами, прошел немецкий патруль. Надо было на что-то решаться.

Появилась молодая и очень красивая женщина. Открытое лицо, прямой взгляд... «Эх, была — не была!» — решил Алексей.

— Мадемуазель! — негромко проговорил он, когда женщина поравнялась с ними.— Мадемуазель! Муа но компроне!.. — Алексей ткнул пальцем в расписание.

Женщина остановилась, окинула Алексея и его товарища пристальным взглядом и медленно пункт за пунктом прочла расписание.

— Репете! — сказала она.

Алексей, запинаясь, перевирая названия, повторил.

— Се тре мове! — воскликнула женщина.

— Ну вот, видишь, Яшка! — грустно вздохнул Алексей.— Она говорит — это очень плохо!..

Женщина еще раз окинула обоих пристальным взглядом и, понизив голос, вдруг сказала на чистейшем русском языке:

— Русские, идемте со мной!..

...Женщина эта и была мадам Дешан, член штаба Парижского партизанского округа. Мадам Дешан привела беглецов к себе домой, накормила, уложила отдохнуть, а утром будто невзначай обронила:

— Так вы в Швейцарию? Что ж, постараемся помочь перейти границу... Но, может быть, все-таки останетесь у нас? По моим сведениям, коммунисты организуют в департаменте Верхняя Сона русские партизанские отряды...

— Конечно, останемся! — закричали Алексей и Яшка.

Обо всем этом я узнал из сбивчивого, полного восклицаний разговора советского инженера Федорова и мадам Дешан ранним утром на бульваре Распай, в центре Парижа.

Позже мы побывали в департаменте Верхняя Сона, в котором действовал партизанский отряд, состоявший из советских военнопленных, бежавших из гитлеровских застенков.

Русский, советский отряд — островок Родины на далекой французской земле! Каждый камень здешней земли полит кровью французов и сражавшихся с ними плечом к плечу советских людей.

В деревне Совиньи стоит обелиск, на котором выбита надпись: Александр Салей... Партизан, французский коммунист Александр Салей возвращался с боевой операции. Недалеко от деревни его остановил патруль. Салей сунул руку в карман и вместо документов выхватил пистолет. Он уложил на месте одного из солдат. Но другой успел отскочить и очередью из автомата прошил Салея...

В деревне Анжери, которую в военные годы чаще называли «русской деревней», лежал тяжело раненный русский партизан Григорий Щербаков. Однажды в деревню ворвался гитлеровский батальон. Деревенский кюре, он же партизанский летописец мсье Тибо видел, как связанного Щербакова подтащили к машине, в которой сидел немецкий оберст. Оберст привстал и ударил распростертого в пыли Щербакова палкой по лицу.

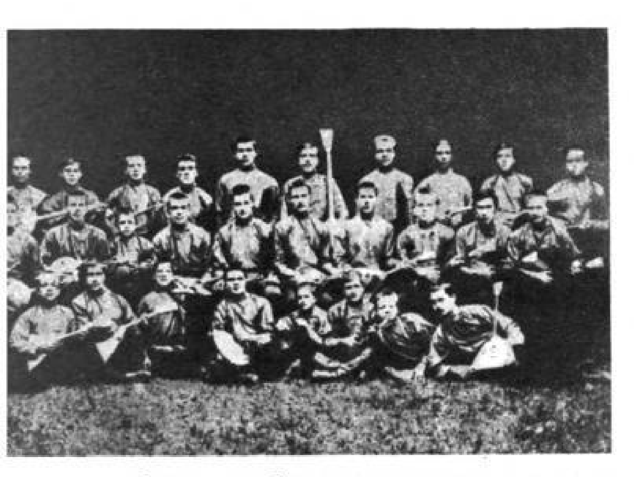
— Партизан? Русс?

Упираясь связанными руками, Щербаков с трудом поднялся на ноги, с ненавистью посмотрел на оберста и плюнул ему в лицо.

Мы нашли на деревенском кладбище скромную могилу Гриши Щербакова. На ней укреплена медная дощечка: «Здесь лежит советский партизан Григорий Михайлович Щербаков, погибший героической смертью 10 сентября 1944 года».

Да, инженеру-конструктору Алексею Александровичу Федорову было о чем вспомнить во Франции, которую Сельдешов избрал себе местом жительства.

...Две судьбы. Между ними — пропасть.

Оркестр рабочих хрустального завода в селе Никольском. В центре — П. А. Оболенский. Снимок сделан в 1907 году.

Самый старший

Пожалуй, нет у нас сегодня ни одного завода, который не имел бы своего оркестра.

Я хочу рассказать о первом, самом старшем в нашей стране оркестре из рабочих, созданном 60 лет тому назад.

Конец прошлого века ознаменовался в России глубоким интересом ко всему русскому, национальному.

Именно в это время Василий Васильевич Андреев организовал профессиональный оркестр русских народных инструментов, прославившийся на весь мир. По его примеру в Петербурге и других местах стали возникать небольшие самодеятельные ансамбли народных инструментов. Увлеклась этим и наша семья. Мой отец Александр Дмитриевич, владевший одним из старейших в России хрустально-стеклянных заводов подле села Никольское-Пестровка, Пензенской губернии, организовал при заводе большой хор, а в 1902 году — оркестр народных инструментов. И певцами и музыкантами были рабочие. Я привез из Петербурга комплект балалаек и домр и начал обучать игре на них своих сверстников. Вскоре оркестр стал выступать с концертами в селе Никольском и в округе, а затем в Пензе, Самаре, Симбирске, Казани... Проходили концерты с огромным успехом. В дальнейшем в Никольское был приглашен руководитель одного из лучших в гвардии оркестров Михаил Николаевич Семенов, человек, имевший специальное музыкальное образование. Вскоре о никольском оркестре заговорила печать. Писал о нас и сам Василий Васильевич Андреев: «Руководители оркестров в училищах, гимназиях, на фабриках среди рабочих и т. д. в подавляющем большинстве были люди совершенно незнакомые с музыкой или дилетанты, предоставленные самим себе. Исключением, хорошо известным мне, является замечательный оркестр П. А. Оболенского и лично им руководимый из простых рабочих Никольского хрустального завода в Пензенской губернии».

Осенью 1914 года В. В. Андреев приехал в Никольское. Но старый состав оркестра был мобилизован, и ему довелось слушать молодежь, которая занималась всего два месяца!

Музыканты, правда, играли с подъемом, с блеском. Неожиданно Андреев встал с кресла и со слезами на глазах пошел благодарить оркестр и его руководителя М. Н. Семенова. Потом взял из моих рук дирижерскую палочку и с улыбкой сказал: «А ну-ка, ребята, давайте-ка со мной сыграем эту веселую русскую песню «Ай, все кумушки домой!..» И Василий Васильевич со свойственным ему юмором изобразил, как кумушки под вечер идут домой...

В 1916 году В. В. Андреев организует в Петрограде большое «Общество распространения игры на народных инструментах и хорового пения», где сельские учителя обучались игре на народных инструментах. Незадолго до революции мы вместе проектировали создать в Петрограде «Дом народной музыки», своего рода народную консерваторию.

Дело, начатое В. В. Андреевым, достигло теперь небывалого расцвета. А никольский оркестр несколько лет назад выступал в Москве на Выставке достижений народного хозяйства.

П. ОБОЛЕНСКИЙ

Ия МЕСХИ

Есть место на нашей земле, где все контрасты, спокойно рассредоточенные по меридиану, собраны вдруг в одну горсть: вечные ледники и солнечные долины, орлы и чайки, пальмовые рощи и буковые леса. Словом, географические долготы как бы сближены и смещены. Это сделали горы и теплое море возле них.

Гор в Грузии столько, что они заняли больше половины грузинской земли. А если прибавить к ним предгорья, то на плоские места остается одна восьмая часть.

Иному покажется: вот теснота! Как же тут развернуться? Но люди привыкли к горам, обжили их. Больше того: взяли их в свои помощники.

*

Текла с гор миллионы лет маленькая речушка Квирилка. И так вертелась-крутилась, беспокойная, на своей каменной постели, что пробила в горах глубокий каньон. Открылись земные пласты, и люди увидели чудесную руду — марганец, без которого нельзя варить сталь. Квирилка продолжала бежать вниз, люди построили на ее берегах город, забрались под землю, а над землей и, собственно, над Квирилкой соорудили необыкновенный «третий этаж», состоящий из подвесных канатных дорог. По этим дорогам стали перебрасывать руду, добираться сами из города к рудникам, из рудников — в горные поселки. Чиатурский марганец оказался отличнейшего качества и быстро приобрел мировую известность. А Квирилка все бежала вниз, несколько удивляясь человеческой щедрости: ведь если так нужно то, что люди добывают в этих горах, почему же они вместе с потоками шлама из обогатительных фабрик выбрасывают столько добра? Она несла с собой в море бесчисленное количество песчинок марганца, который вымывался со шламом после обогащения.

Теперь этой расточительности пришел конец. В Чиатурах вступает в строй Центральная флотационная фабрика — особо важная стройка семилетки. На горных террасах (они очень здесь кстати!) расположилось хозяйство обогатителей, уже выстроены 17 громадных отстойников, ниже, у реки,— сгустители, а в главном корпусе — сепараторы. Квирилка в сепараторах! Теперь она не будет уносить к морю тонны драгоценного концентрата, а, наоборот, активно, всеми своими водами помогать им оставаться дома...

Дом!.. Для многих людей горы испокон веков считались домом. К сожалению, таких людей не очень-то много. Был когда-то брошен клич: надо спустить горцев вниз! Хорошо, что не все последовали этому призыву. В горах много работы, и очень нужен человек в этих местах.

Вот идет к себе, на высокие склоны Южного Кавказа, осетинский пастух Заур Гуляров. За ним — отара овец. Хлопают бичи, скрипят подводы с кладью, лают сторожевые овчарки. Позади долгая зимовка в прикаспийских степях, сотни километров трассы перегона. Каждую осень спускается Заур со своих горных земель и каждую весну поднимается обратно. Где же его дом? Конечно, здесь, в горах.

100 тысяч голов овец он со своими товарищами увел отсюда на зимовку. А привел обратно на 30 тысяч больше. Отличный приплод! Его надо вырастить. Именно сейчас, летом, травы гор наливаются соками, и в горах Южной Осетии Горно-Луговой стационар Грузинской Академии наук создает лучшие травосмеси из растений субальпийских зон.

Разве может Заур покинуть горы? Напротив, он ждет, что народ будет сюда приходить. И все больше, все разный народ...

*

Веками стояла необитаемой высокая, поросшая густым сосняком Канобили. В конце прошлого столетия на нее взобрался замечательный русский астроном С. П. Глазенап. Долгие ночи в построенной им же самим башне он посвятил исследованию неба над этой горой. И установил: это наиболее благоприятная в России гора для точнейших астрометрических и астрофизических наблюдений. Убедить царских чиновников в том, что здесь надо построить обсерваторию, ему не удалось. Обсерваторию основали уже в наше время, подняв в «башню Глазенапа» самый первый отечественный телескоп.

Сейчас на Канобили целый астрономический городок.

И люди открывают с Канобили свет новых, молодых звезд. Одну такую звезду открыла в созвездии Змеи ученая Рамзе Бартая, ныне член Комиссии звездных спектров Международного астрономического союза. Три других звезды в созвездиях Щита, Стрельца и Змееносца открыл астроном Степан Априамашвили, обнаруживший, помимо этого, 18 планетарных туманностей, то есть звезд, которые пока еще только образуются. Теперь Канобили оснащена мощными астрономическими приборами.

Трудно было на Канобили одиночке С. П. Глазенапу, трудно было трем молодым астрономам, поднявшим сюда первый телескоп. Может быть, не все еще «как в городе» и в теперешнем астрогородке. Но делается все для того, чтобы облегчить жизнь канобильцев на горе. Например, построена подвесная канатная дорога, за несколько минут связывающая Канобили с большим курортным поселком Абастумани. Теперь и маленьким канобилятам можно «по канатке» в школу ходить...

*

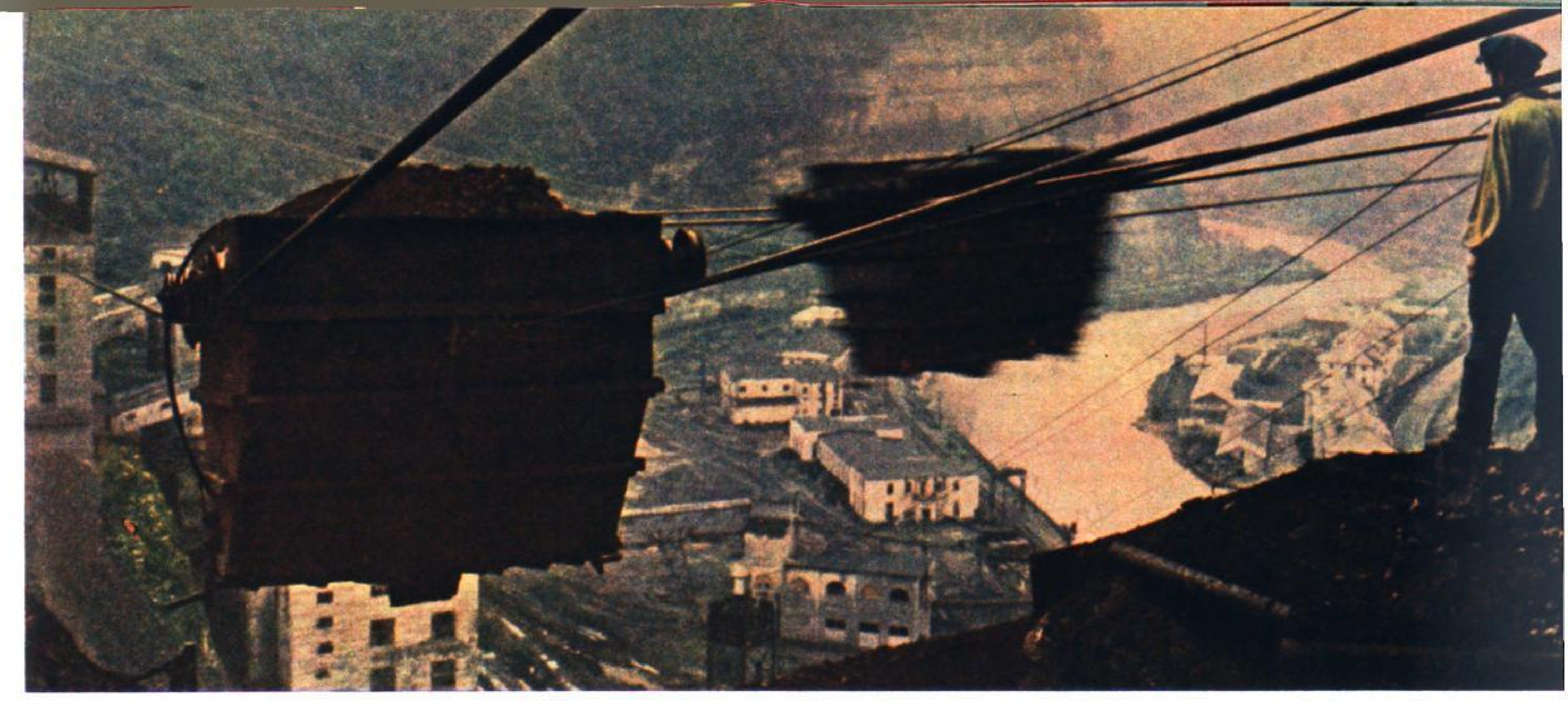
Есть еще одна обитательница кавказских гор, хорошо известная во всем мире. Это серая горная грузинская пчела. Случилось так, что именно горы развили в ней такие качества, которые очень привлекают пчеловодов. И без того трудолюбивое существо, в горах пчела стала совсем непритязательной к любым условиям и непогодам. В горах она стала миролюбивой. А горные медоносы с глубоко залегающими нектарниками помогли ей выработать самый длинный в пчелином мире хоботок. Прекрасно работает эта труженица в Сибири, отлично показала она себя на международной выставке в г. Эрфурте в 1961 году: получила там золотую медаль. И все равно молодой представитель молодой опытной станции пчеловодства в Грузии Нина Мшвидобадзе считает, что и эту пчелу можно сделать еще лучше, скрестив отдельные популяции и получив помеси наиболее продуктивных пород. Этим и занимаются сейчас ученые-пчеловоды.

Тем временем спрос на серую горянку растет с каждым годом. Ее отправляют более чем в 40 стран мира. Она трудится на Кубе, в Америке, Италии, Аргентине, во Франции, Греции, Индии...

В старину в Грузии отмечался Праздник пчелы. В этот день, встречаясь друг с другом, люди вместо приветствия говорили:

— Пусть пчелы размножаются, как в море песок и на небе звезды.

Добрые пожелания можно с успехом повторять и сейчас. Но на все нужен труд человеческий. Нужен человек в горах.

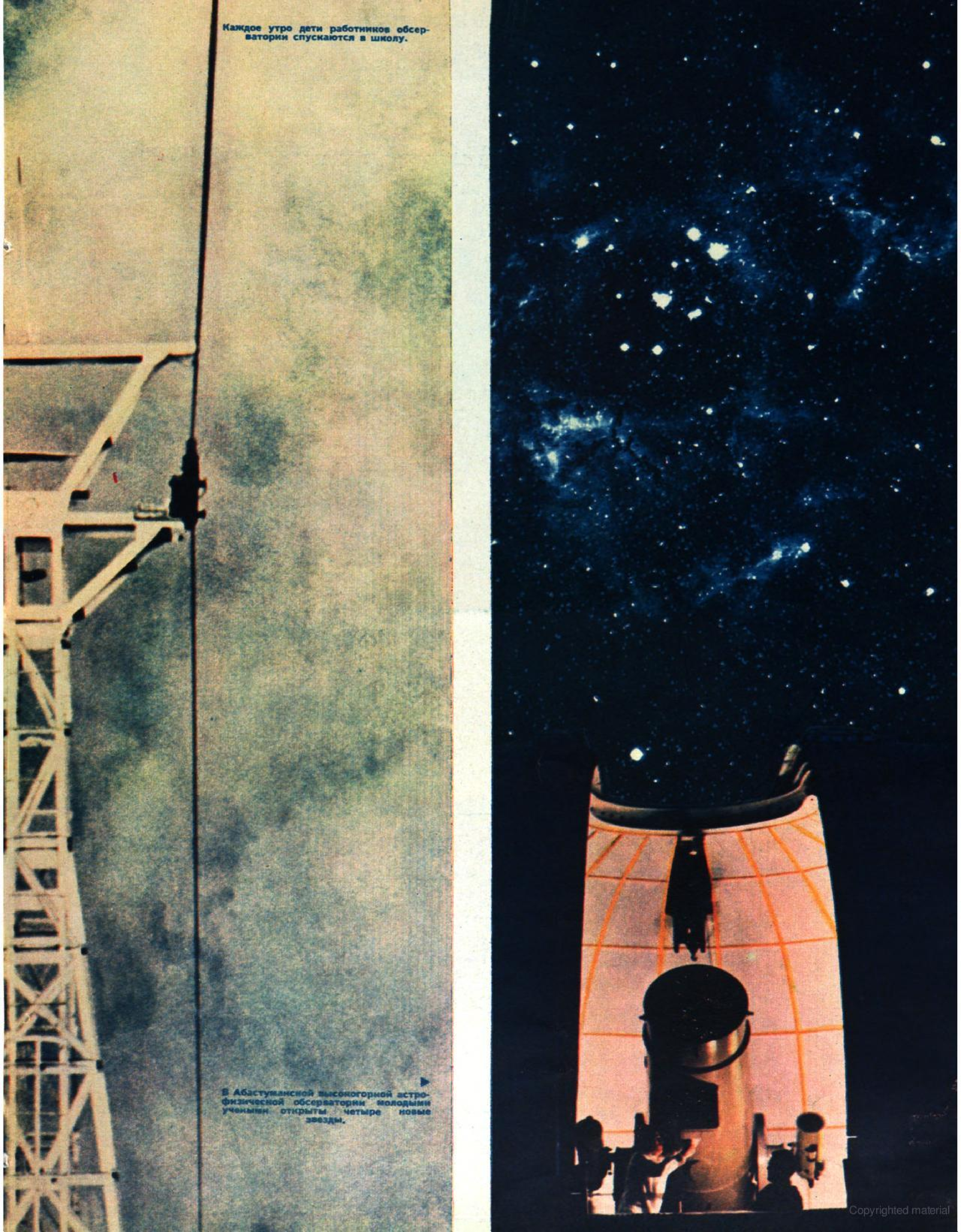

В Чиатуре — городе марганца. Канатные дороги опутали небо. Движется знаменитый чиатурский марганец.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Чабан Заур Гуларов. За ним — белоснежный караван овец.

Каждое утро дети работников обсерватории спускаются в школу.

►
В Абастуманской высокогорной астрофизической обсерватории молодыми учеными открыты четыре новые звезды.

Младший научный сотрудник опытной станции пчеловодства Нина Мшвидобадзе.

Серая горная пчела.

«Сикейрос на свободе!» Эта весть мгновенно облетела мир. Она порадовала всех людей, которым дорого талантливое прогрессивное искусство. Крупнейший художник латиноамериканского континента Давид Альфаро Сикейрос вырван из тюрьмы силой общественного мнения, тысячами выступлений и петиций в его защиту.

Сикейросу было предъявлено нелепое обвинение в «социальном разложении». Он был приговорен к 8 годам тюрьмы. Не было ни одного мексиканского патриота, который не выразил бы своего протеста против этого произвола. Друг Сикейроса — чилийский поэт Пабло Неруда писал после встречи с ним в тюрьме 9 января 1961 года:

Я оставляю тебя вдвоем с сердцем,
Пламенным, как борющаяся Куба.
Я не забуду, и ты помни, Сикейрос,
Что жду я тебя на моей родине,
В краю снежных вершин и вулканов.
Я видел твое искусство, брошенное за решетку,
Это как пламя в железной клетке.
Мне больно оттого, что я уезжаю
Против своей совести и своего рассудка.
Но твое искусство — возлюбленная родина.
Поэтому Мексика с тобою, узник!

В тюрьме, где Сикейрос провел четыре года, он ни на один день не прекращал своей революционной деятельности художника-новатора, выражающего лучшие идеалы своего народа. Он написал целую серию политических статей.

Сикейроса арестовали, когда он работал над грандиозной стенной композицией зала Революции в музее Чапультепек. Роспись эта воспроизводит события мексиканской революции 1911 года, свергшей Диаса и провозгласившей республику. В тюрьме Сикейрос продолжал свою работу. И теперь друзья художника ждут от него новых шедевров.

На снимке: народ Мексики выносит Сикейроса из тюрьмы на руках.

Жизнь редкого богатства

Большой театр Союза ССР. Сцена из балета Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан». В роли Гирея — заслуженный артист РСФСР А. Лапаури.
Фото Е. Умнова.

Я пришел к нему под вечер, когда затихала Москва. Седой и слабый человек поднялся навстречу, заботливо усадил, не сразу отдышался.

— Блокада, знаете ли, сказывается. Ведь мы — ленинградцы...

Был 1943 год. Борис Владимирович Асафьев, композитор и литератор, говорил мне, что замыслов у него — нет конца.

— У Асафьева голова полна музыки, у Игоря Глебова есть еще что рассказать! — шутил Борис Владимирович.

Отцом советского музыкознания можно назвать академика Б. В. Асафьева (Игоря Глебова). Его капитальные труды по истории музыки, русской и западной, его критические статьи, с которыми он постоянно выступал, споря, страстно ратуя за чистоту родной музыкальной культуры, ставят его следом за великим русским критиком В. В. Стасовым.

Балеты «Пламя Парижа», «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник» — их мы хорошо знаем. Но перу композитора Бориса Асафьева принадлежат еще десять опер, три симфонии, симфоньетты, инструментальные ансамбли!

Редкого богатства жизнь прожил этот счастливый человек. Счастливый потому, что не знал он, верно, ни дня, ни часа без большого творческого волнения.

На высоком посту главы Союза советских композиторов застала смерть старого русского музыканта.

Сейчас было бы ему восемьдесят лет. Конечно, многое он бы еще сделал и как Борис Асафьев и как Игорь Глебов. Мне все слышатся слова, которыми он проводил меня в тот далекий вечер военной поры:

— Слабоват я стал немного. Ничего. Это, знаете, пройдет. Отступит. Только работать надо, работать!..

М. АЛЕКСАНДРОВ

После выступления «Огонька»

ТАКИЕ ЛЮДИ НЕ ЗАБЫВАЮТСЯ

Под этим заголовком были опубликованы в 1957 году, в восемнадцатом номере журнала «Огонек», воспоминания участника бельгийского движения Сопротивления Андре Тиммерманса, встречавшегося в дни заключения в гитлеровских тюрьмах с замечательным советским поэтом Мусой Джалилем и сохранившего его предсмертные стихи.

Союз писателей СССР пригласил в Советский Союз Андре Тиммерманса и его жену Мари-Жанну. Несколько дней они провели в Москве, затем отдыхали в Крыму, знакомились с нашей страной.

С просьбой рассказать о жизни Андре Тиммерманса обратились к нам читатели В. А. Кузьмин из Хабаровска, П. Н. Прокофьев из Краснодара, М. Г. Малова из Вологды и другие.

Недавно я попросил Андре Тиммерманса хотя бы вкратце написать о себе, но он ответил: «Я испытываю ужас, когда мне приходится говорить о себе, но я сделаю все возможное, чтобы выполнить вашу просьбу». И Тиммерманс написал о себе от третьего лица. Вот что сообщил он:

«Андре Тиммерманс родился 5 декабря 1917 года во Франции, во время первой мировой войны; его родители — бельгийцы. До 18 лет он учился в средней школе. В начале 1937 года его призвали на военную службу в кавалерийский полк, которую он должен был отбывать в течение семнадцати месяцев. В 1938 году он был уволен в бессрочный отпуск с отметкой в военной книжке: «Служба и поведение примерные». Снова он был призван в армию уже в 1939 году, 18 дней участвовал в военных действиях небольшой бельгийской армии, оказывавшей сопротивление гитлеровским ордам. По возвращении домой он целиком отдался организации групп Сопротивления и партизанского движения.

В октябре 1942 года он был арестован немецкими оккупантами и заключен в тюрьму Сен-Филь в Брюсселе.

Ему были предъявлены обвинения:

в шпионаже;

в составлении материалов против лиц, относившихся благоприятно к третьему рейху, чтобы после возможного поражения немцев они были арестованы и осуждены;

в организации по крайней мере одной ячейки военного типа, враждебной германской армии;

в том, что он агент-провокатор, поскольку присутствовал на всех собраниях и демонстрациях, организованных лицами, благожелательно относившимися к третьему рейху или армии оккупантов;

в сотрудничестве с подпольными газетами и распространении листовок.

Он был предан военному трибуналу, но так как не оказалось существенных доказательств, то его присудили к трем годам тюрьмы. Потом его отправили в Берлин, где он вторично очутился перед военным судом по тем же обвинениям. Прокурор требовал для него смертной казни, но суд (эта комедия!) за отсутствием улик присудил Тиммерманса «лишь» к пяти годам каторжных работ. Именно в то время Тиммерманс, заключенный в тюрьме на Лейтерштрассе, познакомился с Джалилем. Затем Тиммерманс был переведен в тюрьму Шпандау, где пятнадцать суток его содержали в темном карцере за попытку к бегству. Здесь он вторично и уже последний раз виделся с Джалилем, который сообщил ему о том, что приговорен к смертной казни.

Из тюрьмы Тиммерманса отправили в исправительные роты, а оттуда в концентрационный лагерь. Возвратился он в Бельгию после разгрома гитлеровской Германии.

Двенадцать лет спустя по окончании войны он вместе с женой отправился в Советский Союз, чтобы навестить семью Мусы Джалиля».

Свое жизнеописание Андре Тиммерманс закончил следующими словами: «Его любимое времяпрепровождение — это собирание почтовых марок и репродукций картин старинных мастеров, он любит мастерить красивые домашние безделушки, а также водить автомашину».

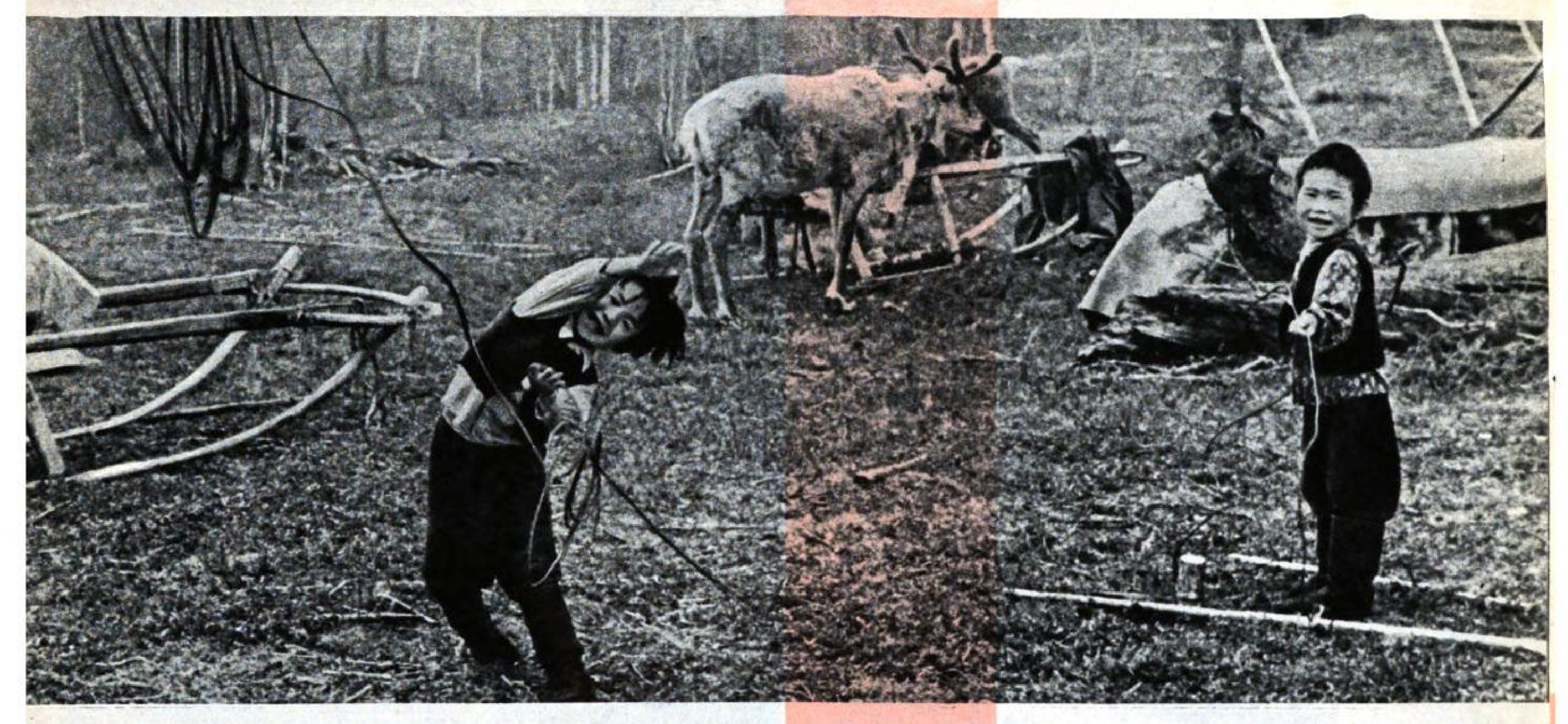
К этому надо добавить, что за последние годы Андре Тиммерманс перенес тяжелую болезнь, доставшуюся ему от пребывания в двенадцати гитлеровских тюрьмах и концентрационных лагерях. Живет он по-прежнему в небольшом городке Тирлемоне, жизнь его идет почти без перемен.

Таков Андре Тиммерманс, честный и прямой человек, активный деятель Общества бельгийско-советской дружбы.

Мари-Жанна и Андре Тиммермансы.

П. ЧУМАК

Переловив собак, оленей и всех своих родственников, ребята начали охоту на меня.

Мужчины без дела не сидят.

О. КНОРРИНГ

Фото автора.

МОЙ ТАЕЖНЫЙ ДРУГ ЛЕШКА

Подумаешь, невидаль — поймать оленя!

А вот передвинуть лайку с места на место куда труднее.

Во-первых, кто такой Лешка? Познакомился я с ним в Сибири на берегу Нижней Тунгуски, приехав в оленеводческую бригаду колхоза «Эвенкия». Все началось с того, что мой спутник попросил меня сфотографировать его верхом на олене. Не успел он отъехать и десяти шагов, как в воздухе что-то просвистело и он был молниеносно стащен на землю, опутанный ремнями маута (кожаный аркан для ловли оленей).

Лешка — диверсия была делом его рук — буквально захлебывался от восторга, глядя, как его жертва барахталась на земле, пытаясь высвободиться от наброшенной на него петли.

Тут мы и познакомились. Лешка, сын брига-

Сестренка нежностями только собаку портит. Чего с нее взять: девчонка!

дира Егорова, с достоинством пожал мне руку и, поскольку, видимо, я не представлял для него большого интереса, тут же отправился по своим делам. Лешке четыре года. Его брату Вите немного больше. Зимой Лешка живет на фактории в большом деревянном доме и ходит в детский сад. Это, конечно, интересно, но разве можно сравнить с тайгой, куда родители-оленеводы берут с собой Лешку на лето! Вот где настоящая жизнь для мужчины! Тайга, олени, собаки. Ночевки не в душной комнате, а у костра в походном чуме. И главное — полная свобода. Красота!

К тому же и неплохая компания. Эвенки любят детей, и на стойбище мелкого народа более чем достаточно.

Четыре года — это уже возраст мужчины, и, как у всякого таежника, у Лешки много дел. Разводит отец костер-дымокур, чтобы спасти оленей от злодеев-комаров, Лешка тащит сухую хворостину. Нужно загнать оленей, он уже тут как тут. А поймать оленя маутом — это для Лешки плевое дело.

Раз!.. Петля на рогах, и олень, чувствуя уверенную хозяйскую руку, покорно смиряется. А что может быть лучше, чем ехать верхом на олене, переезжая на новое пастбище! А плыть по реке в легкой, сделанной из бересты байдарке! Правда, пока одному плавать еще не разрешают, но ведь это только пока.

Дела, дела. Всюду нужно успеть: посидеть на производственном совещании бригады, посмотреть, как фельдшер лечит оленей, помочь матери почистить рыбу, сбегать за водой, побороться на оленьей шкуре с отцом, покормить собак...

Северный день долог, но времени все равно не хватает. Всего не успеть.

Но, конечно, самое увлекательное занятие — это бросать с ребятами маут. Делают это они мастерски. Переловив по очереди всех оленей, родителей, бабушек и дедушек и друг друга, они принялись за меня.

Проказники целый день ходили за мной по пятам, и мне то и дело приходилось выпутываться из заброшенной на меня ременной петли под радостный визг будущих оленеводов.

Вот снова плыву я на лодке, чуть пошевеливая кормовым веслом, по тихой, ласковой Оке, вдоль лесных берегов, наслаждаясь покоем. С лугов то повеет запахами буйно цветущего разнотравья, то лес обдаст сверху горячо нагретым хвойным ароматом. Плакучая ива, склонившаяся над водой, встречает по-матерински, погладив нежным прикосновением прохладных ветвей. Шмель, описав вираж вокруг моей головы, улетает с радостным гудом, словно встретил знакомого. Все располагает к благодушию, неге, покою.

Но чего-то не хватает мне, что-то томит сердце, отчего-то неуютно сегодня одному в этих благословенных местах.

Какое-то воспоминание наполняет тревогой и грустью. О чем-то упущенном и непоправимом тоскует душа. И знакомая ива, и грустно шумящий лес, и вечно тоскующий чибис. Сколько я себя помню, все чибисы всю жизнь вопрошали меня с неба: «Чьи-вы? Чьи-вы?» А вот этот, вьющийся над прибрежным болотцем, вдруг напомнил мне всю причину грусти, прокричав:

— Тыбик! Тыбик!

Вот оно что! Вот кого не хватает мне, присутствия кого на этих берегах не замечаю я больше. Конечно, Тыбика. И даже следов его, отмеченных прежде среди этой девственной природы. Исчез, и листва сомкнулась, и травы проросли, и неужели нет ничего, кроме крика чибиса, понятного лишь мне одному?

Впервые услышал я это слово летом в Зарусье. Каждый день из громких уст соседки тетки Маланьи, незримой из-за высоты сплошного деревянного забора и переросших его репьев, звучало оно в разных вариациях:

— Ты бы за гусенятами присмотрел, ишь, ястребы вьются. Делать-то тебе нечего!

— Ты бы сходил в очередь, постоял бы! Говорят, бублики привезут. А не привезут, потеря невелика, у тебя свободного времени много!

— Ты бы девчонку покачал, видишь, мне некогда!

— Ты бы...

Поручений этому Тыбику давалось такое множество, что, выполняя их все, надо было крутиться с рассвета дотемна, как поповой батрачке в старой сказке.

Вначале подумалось: Тыбик — бедный родственник, живет в этом доме как приживальщик, о чем свидетельствовали такие сентенции тети Малаши:

— Ты бы картошки поел, что ли. А молоко оставь ребятам, тебе с него не расти!

— Ты бы заплату поставил да носил, чем за новым пиджаком в сундук-то лазить. Тебе франтить не для чего!

— Чего? Опять негодницы ужина не оставили? Ладно, ложись так, спать не плясать, обойдешься!

Но вскоре выяснилось другое.

— Поделил бы ты Настин сундук, пока жив. Тебе ведь второй раз не жениться. Помрешь — с собой не возьмешь. А девкам сейчас нужно.

— Переписал бы ты сберкнижку на Татьяну да на Еленку, только тихо, чтобы Тамарка не завидовала. Ей что, у нее муж есть, а у них только дети, а мужья в нетях!

Поставив забор выше головы, тетка Маланья, наверное, воображала, будто он выше ее голоса, и выкрикивала все, что на душе, так громко, что, еще не видя в лицо ни ее самой, ни дочерей, ни внуков, мы уже знали, что Витьку и Славку «наплясали, нагуляли, не растрясли — домой принесли».

Что младшие ее дочки Татьянка и Ленка —

Николай БОГДАНОВ

Рассказ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

А КТО ЕГО ПРОСИЛ

«матери-одиночки, бесстыжие очи. Замуж не выходят, а детей родят. И что за народ, другие бы плакали, а их смех берет».

А старшая, Тамара, «с царем в голове, с мужем во дворе». Но при всех случаях жизни тетя Малаша становилась на сторону «негодниц» и их «сиротинок» Витьки и Славки.

— Ты чего на чужих детей шипишь, злая гусыня? У тебя свои есть, за ними гляди!

Во время ссор между сестрами из-за предполагаемой дележки сундука покойной жены Тыбика:

— Им и должно больше достаться. Зачем тебе шелка-бархаты, ты своего и так окрутила, тебе наряжаться не для чего!

— Ну в кино будут трепать, ну на танцы, ну а что ж, где ж им женихов-то добывать, в лесу, что ли?

— Новые платья? А зачем тебе новые платья? Да на тебе все, как на заборе, висит, а на них хоть посмотреть-то есть на что, приоденутся, как кралечки!

— А чем они виноваты, чем, скажи?.. Женихи нынче такие, скоропостижные, прах их возьми!

— Ну и заглядываются на них, ну и что же, что им, отворачиваться, что ли? Это на твою постную рожу никто смотреть не хочет, а их хоть на выставку выставляй, хоть на картину рисуй, на них взглянуть — одно удовольствие!

Постный лик Тамары можно было видеть в окошке переговорного пункта, она работала телефонисткой, а вот полюбоваться младшими мы не имели счастья.

Негодницы-красавицы раненько убегали через огородную калитку на службу в дом отдыха, где они работали официантками, а возвращались потемну.

Вначале мы познакомились с козами тети Малаши. Вот уж действительно охальные существа! Наглость их доходила до того, что они, перескочив палисадник, становились на задние ноги и хватали цветы с подоконников, не смущаясь нашим присутствием, оглядывая нас бесстыжими выпуклыми глазами.

Когда мы пожаловались самой хозяйке, она бросила нам хворостину.

— Вот вам на них управа!

И весело расхохоталась.

Крепенькая, коренастая, с темным дубле-

ным лицом и белозубой улыбкой, она казалась моложе своей старшей дочери.

Однажды познакомились мы с Витей и Славой. Лежали после купания в тени кустов, а рядом, на пляже, копошилась стайка ребят. Строили какие-то печурки, башни, засыпали друг друга песком. И вдруг задрались.

И, по-видимому, четверым мальчишкам не удалось одолеть двоих, державшихся дружно. С досады мальчишки принялись дразниться:

— А у вас отцов нет! А у вас отцов нет!

— Вот и врете! Отец у каждого есть! — сжимая кулаки, крикнул смуглотелый мальчонка.

— Ну, а кто твой отец? Где он?

— Здесь его нет. Он на Северный полюс летает... Поесть возит зимовщикам на льды. Летчик, вот кто мой отец... У вас таких нету! — И, засмеявшись, показал обидчикам язык.

— А у Славки кто? Ну, кто у Славки?

Простодушный Славка, беленький, миловидный, как утенок, потупившись, молчал.

— Ну кто? Ну где он?

— Я маму спрошу... Не знаю! — На глаза его навернулись слезы, вызвав восторг обидчиков.

Словно нахлестанный жгучей крапивой, Славка бросился домой, оглашая берег ревом. Витька побежал за ним, подхватив забытые братом трусы.

Нечаянно довелось нам услышать и продолжение этой истории. Возвращаясь после вечерней зари с речки, мы тихо брели мимо забора тетки Маланьи. Поравнялись с домом. Из растворенного окна до нас донеслись всхлипывания и негромкий говор:

— Ну спи, Славик, спи, есть у тебя отец. Я говорю, есть.

— Мам, а кто он?

— Ну кто, не хуже Витькина, моряк, вот кто! По океанам плавает...

— Мам, китов бьет?

— Ну и китов, конечно!

— Чего же ты молчала-то, мам? Чего же раньше не говорила? Я бы его любил! Он хороший?

— Ну спи, спи, вот перебьет всех китов, приедет. Хороший. Лучше здесь ни у кого нету!

И, по-видимому, негодницы-красавицы действительно выбирали своим детям отцов не кой-каких, если судить по потомству, унаследовавшему их черты. Мальчишки были на редкость хороши. Сколько раз мы любовались мужественным Витькой, крепышом, полным жизненных сил. Его глаза, похожие на спелые вишни, залетели сюда действительно из какого далека.

Да и красота Славки была совершенно нездешней. Если он унаследовал фигуру отца, его золотые кудри и глаза небесной синевы, какую-то врожденную грацию, то, очевидно, здешний дом отдыха посетил сам Аполлон в образе отдыхающего.

Не раз мы пожалели блудных отцов, лишивших себя радости отцовства, любуясь этими прекрасными плодами страстной любви.

Что же сказать о матерях их?

Несколько раз они вихрем проносились мимо наших окон, стремясь в кино или на танцы. Нам слышался только шум широких модных юбок да обрывки смеха. Но вот однажды они уселись на лавочке напротив и, покидывая в рот семечки, поглядывали нагловатыми козьими глазами, как мы точим крючки блесен и настраиваем спиннинги.

Перекинувшись на наш счет несколькими словами, сестры вспорхнули и исчезли, как птицы, не нашедшие корма.

На взгляд городского человека, которого в женском лице привлекает одухотворенность, выражение интеллекта, лица красивых сестер были несколько диковаты.

В их быстрых движениях, в порывистости чувствовались кипение молодых сил, несдержанность страстей, жажда деятельной любви. И, конечно же, они должны были магнитно действовать на отдыхающих спортсменов, на молодых офицеров, на моряков в отпуску.

Итак, мы познакомились со всеми, кто говорил «ты бы», но самого Тыбика узнали не сразу.

Да мы им, собственно, и не интересовались. Все наши интересы были на реке. Как настоящие «дикие» дачники, мы там пропадали с утра до ночи, не соблюдая никаких расписаний и посмеиваясь над организованными отдыхающими, принужденными в самый разгар вечерней зари сматывать удочки и мчаться на призыв гонга ужинать.

У нас были свои заботы и горести, свои речные знакомства.

Мальчишка-подглядчик, от назойливости которого мы не могли отделаться: куда мы — туда и он на своей лодчонке-душегубке. И все подглядывает, на каких местах ловим, на какую приманку, где прикармливаем, где живцов прячем.

Да вредный старичок, носивший у нас разные прозвища: то «дед-дровоед», то «дед-травоед». И вот почему. Наставили мы как-то с вечера жерлиц вдоль обрывистого берега на местных щук, еще недостаточно осведомленных, что такое живец с крючком, в ожидании неимоверного улова. Но, увы, наутро удилища оказались повыдерганы, поломаны, рогульки поразмотаны, бечевки пооборваны. И явно не щуками.

Погрешив на местных мальчишек, в следующий раз поставили жерлицы попоздней, к ночи, а снимать явились с утра пораньше, пока мальчишки спят. И застали виновника на месте происшествия.

Навстречу нам вдоль самого берега плыла ладья, нагруженная дубовым хворостом. Сухие, корявые сучья цепляли наши жерлицы и обирали их вместе с крючками и живцами, прочищая от них берег. Правивший лодкой старик, скрытый кучей хвороста, не замечал этого, мечтательно смотря вдаль на росистые луга, на утренний туманец.

Выругали мы его. Пригрозили, что в следующий раз... Хорошо, что он был глуховат и не все расслышал, что мы ему наговорили.

С непостижимым упрямством он продолжал по утрам, пока село спит, красться вдоль самого берега с ворохом дубового сушняка и цеплять наши снасти.

Так и плюнули мы на щук. Не побить же этого старого упрямца. Прозвали «дедом-дровоедом» и ограничились нелюбезным отношением. Когда он застрял со своим корявым грузом однажды на мели и попытался жестами призвать нас на подмогу, мы сделали вид, что незрячи и глуховаты, и проплыли мимо. Так и пришлось деду сбрасывать в воду сухие сучья, вязнуть в илистом песке, стаскивать свой корабль и снова нагружать его. Долго он провозился.

Наше невмешательство обошлось ему дороже, чем мы думали. Старик, замешкавшись, наткнулся на лесника, избегая встреч с которым, он прокрадывался вдоль самого берега.

Накануне пропивший незаконно вырубленные дубки, мучимый угрызениями совести и жестоким похмельем, лесник устроил такой разнос дровоеду за бросовый валежник, что

дед прекратил свои поездки. Но вскоре наши пути снова перекрестились к взаимному неудовольствию.

Обнаружили мы как-то прибрежную полянку, всю заросшую буйным переплетением мышиного горошка. Вот бы сжать да высушить для матраса. Упругое будет сено, спи, как на пружинах, и мягко и душисто.

День не собрались, два не собрались. Потом все же явились, вооружившись серпами. Глядь, а полянка уже выкошена и облюбованный нами горошек сушится на солнце. Вчера еще он был ничей, а сегодня уже чей-то...

Выхватил его у нас из-под носа, конечно же, дед-травоед. И как мы не поопаслись его, давно уже заметив, что с хвороста старик перешел на сено. Обжинает, обкашивает берега реки и каждый раз по вечерней заре гонит свою ладью, загруженную душистой добычей. Шлеп, шлеп веслом, не торопясь. Самого не видно на корме, и кажется, что по реке тихо плывет целая копенка, распространяя ни с чем не сравнимый аромат свежескошенного сена.

Неугомонный дед. Все в дом, все во двор что-нибудь да тащит. Немудрящий такой, в одежонке серой, как земля, с лицом землистого цвета. Никаких особых примет, кроме покалеченной левой руки, вывернутой как-то так, что ладонь торчала кверху, и весло он держал как-то чудно.

Сам незаметный, и других словно не замечает, погруженный в какие-то свои думы. А может быть, живущий бездумно, одним инстинктом стяжательства, добычи. Трудолюбив и прост, как муравей. Мало ли на свете таких, особенно в мещанском быту прозябающих городков, не преображенных индустрией!

Их обыватели удивительно старательны во всем, что касается своего, и удивительно нерадивы к общему. Иной раз поражает привычка к неудобствам и неустройствам — за его калиткой, за его забором.

Вот лежит камень на дороге, всем мешает, сколько раз сам обыватель о него споткнулся, убрать-то его — раз плюнуть, а ведь нет, не нагнется, не отвалит в сторону. И будет лежать камень до следующего поколения.

Э, да что там, кто не грешен в небрежении к общему благу, бывает и хуже, чем такой нейтрализм, посмотрите, что творят браконьеры, порубщики, загрязнители рек...

Мы уже привыкли к тому, что от каждого соприкосновения человека с природой плохо приходится природе.

Побывали туристы — вот тебе и проплешина от костра, вот засыхающие деревья, на корнях, под ними, костер-то развели. Вот мусор вокруг, бумага, консервные банки. Побывали отдыхающие — вот на берегу целые веники поломанной черемухи весной. А вот охапки кленовых листьев, а молодые кленики все обезглавлены — это осенью.

И представьте, как же нас удивило престранное явление на берегах Оки! Вдоль всего лесного берега, недоступного местным козам, у самой кромки воды, начиная от пристани Великое почти до Зарусья, вдруг расцвели подсолнухи.

Как они выросли в прибрежном иле, кто их здесь посадил? Похоже было, что плыл кто-то вдоль самой кромки ила на лодке и вдавливал в него семечки. Уж очень ровно, в один ряд росли подсолнушки.

Продираясь по зарослям прибрежного ивняка в поисках прутьев для рыбного садка, мы обнаружили явление весьма сходное. В прогалинах между ивняком кто-то насадил кустики черной смородины. Взрыхленная вокруг них земля говорила, что это — дело рук человеческих.

Что кто-то начал работу над обогащением местной флоры, обнаружили мы и дальше, встретив на опушке леса кусты малины, и не лесной, а садовой. Правда, очень немного, отдельные островки среди зарослей репьев и крапивы, но посаженные человеком, ухоженные. Крапива вокруг была повыдергана, о чем говорили пучки засохших желтых корней.

Однажды нам показалось, что таинственный преобразователь природы гораздо ближе к нам, чем мы ищем. Кто-то проделал ступеньки по спуску в овраг. Но когда вслед за нами по ним стали спускаться и подниматься старушки и молодушки, идущие к речке полоскать белье, мы решили, что это либо инициатива уличного комитета, либо даже проявление заботы о людях самого горсовета.

Как-то раз мы выбрались из дому до рассвета, чтобы успеть на утреннюю зарю пораньше. Шлепаем в тумане по заболоченному лугу и слышим: что-то чавкает. Не то корова вязнет, не то лошадь. Пригляделись — да это человек. Согнулся, копает, проделывает канавку для ручья. Заслышал нас и остановился.

Мы подошли и увидели деда-травоеда. Опираясь на лопату, он смотрел на нас так смущенно, так виновато, словно мы застали его за каким-то стыдным делом...

— Канавку вот,— сказал он извиняющимся тоном,— а то мокро... А вода сбежит в нее ну и... подсохнет лужок-то.

— А ступени, это тоже ваши?

— Мои,— виновато признался старик.

И мы никак не могли понять, почему он так таится, так стесняется.

Выяснять было некогда, торопились на рыбалку. А через некоторое время еще раз застигли старика за добрым делом.

В излюбленных нами рыболовных местах, там, где над самой водой нависает лесистый берег и в карстовых провалах держатся крупные речные хищники, немало было родников. Но все какие-то неприглядные, захламленные, загрязненные, негде со вкусом воды напиться.

Вот к одному из таких и явился дед-травоед. Привез с собой молоток, зубило и принялся уделывать родник.

Он выбрал такой, где бившая из-под горы струя растекалась по обнаженному известняковому пласту и многочисленными потеками разводила прибрежную тину.

Старик, работая упорно, как дятел, выдолбил в известняковой плите углубление, наподобие чаши. И, обтесав плиту, оставил небольшой козырек, пробив в нем желобочек. Теперь родник, собравшись в чаше, выбрасывал тугую струйку воды прямо в речку.

Мы помогли благоустроить сей фонтан, притащив и вымостив берег плоскими камнями.

— Здорово это у вас получилось,— похвалили мы старика, подставляя рты под чистую струйку воды, отстоявшейся в каменной чаше.

— Вы не каменных дел мастер?— спросил кто-то из нас.

— Нет,— улыбнулся старик,— я был мастером по насечке на металле. Высекал рисунки на ложах ружей... Но по любительству обтачивал и камень...

— А малина и смородина по берегам — это тоже ваше любительство?

Старик принужденно рассмеялся, замахал кривой рукой.

— Да, вы, вы, не отказывайтесь. Мы уж видим, что ваших рук дело. И чего вы это скрываете? Что в этом плохого?

— Плохого-то нет,— согласился старик,— а все-таки вы никому не рассказывайте, прошу вас... Народ у нас такой, засмеют. Старый, мол, человек, а ведет себя, как ребенок! Ну можно ли так-то вот забавляться, когда дома настоящие дела есть? Не одобрят меня домашние. Промолчите, очень прошу вас. Лишние разговоры, лишние ссоры.

И очень огорченный, очень встревоженный, дед торопливо собрался, сел в свою лодку и, даже не нагрузив ее ни травой, ни хворостом, отплыл восвояси.

А еще несколько позже новым светом озарил всю эту историю другой случай.

Возвращаясь с утренней зари, мы плыли, отдавшись течению, разморенные начавшим пригревать солнцем, лениво любуясь природой, и вдруг заметили, чего-то на берегу не хватает, чего-то привычного недостает глазу. А ведь это изменение произошло недавно. Ну конечно, нет цветущих подсолнухов. Они еще вчера в эту пору все таращились на солнце. Почему поникли, обломились, плывут зелеными кружками по воде? Кто посшибал им головенки? Какая буря?

И тут же увидели виновников. Впереди нас плыла лодка, набитая разнокалиберной детворой. Какой-то великовозрастный болван правил дощечкой, заменяющей весло. А малыши с криком и свистом ловко сшибали прутьями цветущие решетки.

— Что вы делаете, разбойники? Вот мы вас!

Озорники и не думали прерывать своего лихого занятия. И только когда мы оттерли их лодкой от берега, угомонились.

— Зачем это вы? И не жалко — такие замечательные подсолнушки? Поспеют, вам же достанутся.

Ответа нет. Сопят себе под нос. Избегают смотреть в глаза.

— А чью это вы лодку забрали? Кто вам разрешил? Ну-ка вытряхивайтесь, мы доставим ее хозяевам!

— А хозяева — вот они!— сказал долговязый болван.

И мы тут разглядели смущенно потупившихся, словно они были главными виновниками озорства, Славку и Витю.

— Что же это вы, голубчики, дедушка сажает, а вы...

— А пусть не сажает, где не надо!— дерзко ответил Витя.

— Ему дома дела есть,— добавил Славка.— Вот продаст бабушка лодку, тогда не будет зря на речке пропадать!

— Чудной у них дед-то,— ухмыльнулся долговязый.

Подхватив лодку за цепь, прикованную к носу, мы, включив мотор, отбуксировали ее подальше от подсолнечной гряды.

После этого происшествия захотелось нам поближе узнать старика. И однажды зазвали его к нашему костру, на уху. Ушицы дед отведал. И чарку пропустил. Но как был неразговорчив, таким и остался. А когда мы рассказали о проделке внучат, не ответил, только задумался. Задушевного разговора не получилось.

Но вскоре стало заметно, что Тыбик как-то изменился. На речке мы его видели все реже. Все чаще он нам встречался то в хлебном магазине, то в промтоварном. И не один — все с внучатами. В парикмахерскую их водил. Крики тети Малаши, в которых звучало — ты бы сделал то, да ты бы сделал это,— доносились из-за высокого забора все реже. Да и высокий забор вдруг изменился. Тыбик его покрасил зеленой краской.

И, признаться, наш интерес к старику как-то иссяк, облик его потускнел, стал сливаться с окружающей серой средой.

Осенью мы уехали, даже не попрощавшись.

Жизнь сложилась так, что в те же самые места попал я спустя два года — к старому другу доктору Мелентьеву. Ну, конечно, все новости о Зарусье у кого же узнать, как не у него: врачу открывается все.

— Ну, как тетя Малаша, все так же транслирует свои передачи из-за забора?

— Негодницы-красавицы замуж не вышли?

— Витька и Славка цветут?

— Все по-прежнему, а вот Тыбика мы проводили... Умер старик, той зимой,— с огорчением сказал Михал Михалыч.

— Что с ним случилось, отчего?

— Дистрофия сердца... Мало сахара, мало белков... Организм привык к иному содержанию там, в большом городе. А в здешнем быту зимой что же... Старикам — капуста да картошка... Что получше — детям.

Мы почтили память старика долгим молчанием.

— Похороны были отличные,— сказал Михал Михалыч.— Десятки машин съехались. Из Тулы. С завода, где он работал, представители. Даже из Москвы. Много знатных родственников оказалось. И оркестр был. И речи. Хоронили, как генерала. Всю дорогу от дома до кладбища еловыми ветками устелили. Послушали бы вы, каков наш Тыбик был, как его на производстве ценили. Где-то там, в заводском клубе, до сих пор его портрет висит. Маланья в голос вопила... Красавицы тоже всплакнули... Да и у внуков слезинки упали, когда опускали деда в могилу. А поминки, какие были поминки грандиозные!..

— Ну, а сундук его покойной Настасьи произвел впечатление?

— В том-то и дело, что он разделил сам, чтобы после него племянницы не ссорились при дележе.

— А сберкнижка?

— Перевел при жизни на матерей-одиночек.

— Словом, сделал все, как желала Малаша?

— Да, только преждевременно. Это его и погубило. Останься он с родней по духу там при заводе, где его мастерство ценилось, глядишь, и пожил бы.

Как выяснилось на поминках, там ему при Доме пионеров и кружок резьбы по металлу вести предлагали, и тимуровцы над ним шефство хотели взять, и квартирка пожизненная была. Но явилась Маланья, упросила, уговорила, перетащила брата к себе. Сундук-то уж очень ее тяжелый привлек. Там был интерес к тому, что он в себе имел, а здесь, что при себе... И когда этого привеска братец лишился... то понимаете...— Доктор, подбирая выражения, покрутил в воздухе пальцами.— Словом, сам сократил он дни пребывания своего среди живых...— вот и вся история Тыбика.

Не сват, не брат, но почему-то нас потянуло на кладбище, навестить незадачливого старика. Зрелище его запущенной, даже непоправленной после осадки могилы возмутило нас.

— Что же вы, наследницы,— упрекнули мы как-то, встретив по-прежнему бойких и неунывающих «негодниц»,— хоть бы не из почтения к старику, а от людского суждения его могилку уважили!

— Подумаешь, наследство!— насмешливо вскинули на нас нагловатые глаза племянницы Тыбика.— Что он нам такого оставил? У нас ноги не казенные за лежалые тряпки в гору на гору бегать!

Сбегать на танцы они по-прежнему не ленились.

Встретились нам как-то и их прекрасные отпрыски. Мальчишки стали еще красивей. За два года они окрепли, возмужали и теперь уже держались самоуверенными вожаками мальчишеской шайки, заполнившей дедову лодку.

Вооружившись удочками, мальчишки плыли вдоль берега, подбрасывали под кусты кузнечиков и ловко вытаскивали жадных голавликов.

Вдруг, прервав добычливое занятие, начали раскачивать лодку, брызгаться, оглашать реку визгом и хохотом, а вскоре так же внезапно высыпали на берег и принялись обрывать зеленые ягоды черной смородины. Набрав полные кепки, снова поплыли, строя гримасы и выплевывая кислую жвачку в реку.

— Эй, наследнички, зачем же вы раньше времени смородину обрываете?

— А что, она ничья!— ответили черноокий и синеглазый с материнской нагловатостью.

— Как ничья? Она ваша, это для вас ваш дедушка сажал!

— Ну да, ягоды всегда тут были, сами выросли,— не поверили нам самонадеянные мальчишки.

Нажевавшись неспелых ягод и набив оскомину, они вскоре появились у родника, где мы расположились на ночевку. Утоляя жажду, наследники по очереди склонялись к каменной чаше попить отстоявшейся вкусной воды и, удаляясь, оставили на камнях следы босых ног.

— Потомки!— окликнули мы их.— Эти каменные ступеньки тоже всегда были? Из земли сами выросли?

— Нет,— потупил карие очи один из внуков,— они людьми положены.

— Так это ваш дедушка положил!

— А кто видел?

— Мы видели. Мы ему помогали. Он привез молоток и зубило. Он выдолбил каменную чашу, из которой вы пили!

Ребята смутились. Задумались. Их потупленные очи чего-то искали на дне лодки. И вдруг долговязый нашелся:

— А зачем было все уделывать? Мы бы и горстями напились. Никто его не просил, Тыбика!

Облегченный смех мальчишек одобрил его находчивость. Вспомнив прозвище деда, они развеселились и быстро уплыли от нас подальше.

А нам в тот день даже чай, заваренный в родниковой воде и вскипевший на жарком костре, был горек. Да и сейчас почему-то тревожит нас это слово, где бы оно ни послышалось.

ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ

Степан ЩИПАЧЕВ

ПАРЕНЬ С УЗДЕЧКОЙ

Деревня. Голубая тишь
да звезды — на плетни и крыши.
И ты с уздечкою стоишь
и фырканье Игреньки слышишь.

Еще не у больших дорог,
а у начала троп окрестных
стоишь, с уздечкой паренек,
лишь звездам и траве известный.

А за околицей — хлеба
и обозначенная кодом
России смутная судьба
перед четырнадцатым годом...

Я УВИДЕЛ ЖЕЛЕЗНУЮ ДОРОГУ

Пышми́нская станция невелика,
затеряна в ко́лках березняка.

Я с матерью рядом на гравий ступал
не то удивленно, не то виновато,
и пахло смолой от нагретых шпал
и чем-то еще горьковатым.

Я жмурил глаза от сини небесной,
на рельсы глядел. В сиянии дня
бежали два ручейка железных
и смутно куда-то манили меня.

ПОЛЫНЬ

О детство босое!
В полу́денный зной
дышал я полынной голубизной.

Полынь полонила людское жилье...

Пусть годы минули,
напомнит стих:
та горечь ее, та сладость ее
еще и сейчас на губах моих.

В РОДНОМ ГОРОДКЕ

В весеннюю свежесть, в вечернюю мглу
я девушку в белом встречал на углу.

Ты снова со мною, родной городок,
сиренью пропахший у пыльных дорог!

Плечисты кварталы твоих новостроек,
но прежних примет от меня не закроешь!

В весеннюю свежесть, в вечернюю мглу
я снова стою на знакомом углу.

Стою, вспоминаю... Ах, девушка в белом,
когда же старушкою стать ты успела?

БЫТЬ МОЖЕТ, ПОТОМОК...

Быть может, потомок
моей судьбы
коснется хоть с краю и скажет при этом:
«Он землю пахал, он солдатом был,
хоть скромным, но истинным был поэтом.
Поездил, видал Миссисипи и Нил.
Открытый во всем, не искал уловок.
Из всех драгоценностей слово ценил,
когда находил счастливое слово.
Был влюбчив. Но ханжество нам не к лицу,
простим эту слабость. Тут надо считаться:
ведь в женских ресницах, как в темном лесу,
бывает легко заплутаться».

Среди недавних книжных новинок этого года — «Мои воспоминания» генерала А. А. Брусилова. Автор мемуаров рассказывает о своей жизни, вплоть до отъезда из действующей армии летом 1917 года. Книга вызвала большой интерес и была быстро раскуплена, хотя и вышла пятым изданием. Дело в том, что предыдущее, четвертое издание этих мемуаров вышло 18 лет назад, в 1946 году.

Имя выдающегося русского полководца многие годы замалчивалось. Оно исчезло со страниц советской печати, не упоминалось в лекциях, докладах. Если в первом издании Большой Советской Энциклопедии (1927 год), кроме большой статьи, был помещен портрет прославленного генерала, в последующих изданиях энциклопедии ему отводили 9—10 строк, а историческую операцию под Луцком, вошедшую в историю как «Брусиловский прорыв», переименовали в «Прорыв на Юго-Западном фронте». Почему стали замалчивать А. А. Брусилова, вкратце рассказывает автор предисловия к последнему, пятому изданию книги «Мои воспоминания» доктор исторических наук, профессор В. В. Мавродин.

Оказывается, в 1948 году Сталину доложили о том, что найдена вторая часть воспоминаний Брусилова, носящая ярко выраженный антисоветский характер. Никто, разумеется, не был в состоянии в годы культа личности проверить правильность этого доклада. И только после XX съезда партии удалось восстановить историческую правду о Брусилове. Реабилитация его была произведена на основании тщательного анализа обнаруженных документов.

Много сделали для реабилитации А. А. Брусилова работники Главного архивного управления при Совете Министров СССР, в частности руководитель управления кандидат исторических наук, доцент Г. А. Белов, материалы которого и позволили профессору В. В. Мавродину сделать свои выводы. Редакция «Огонька» обратилась к Геннадию Александровичу Белову с просьбой рассказать историю появления второй части воспоминаний генерала Брусилова и что она собой представляет.

КАК БЫЛ РЕАБИЛИТИРОВАН ГЕНЕРАЛ БРУСИЛОВ

Тайна «Пражского архива»

— Прежде всего,— сказал Г. А. Белов,— коротко напомню, что генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов вошел в историю первой мировой войны как выдающийся полководец. Он приобрел особенную известность подготовленным и осуществленным под его руководством в 1916 году прорывом на широком фронте сильно укрепленной полосы обороны австро-германских войск в районе Луцка. Впоследствии эта операция вошла в историю под наименованием «Брусиловского прорыва».

После Октябрьской революции, в период гражданской войны и иностранной интервенции, он не ушел в стан белогвардейцев, остался со своим народом, невзирая на всяческие посулы со стороны контрреволюции.

О его настроениях в тот период можно судить по многим высказываниям. Вспоминается ответ генерала Брусилова белогвардейскому «вождю» А. Деникину, разразившемуся пасквилем в адрес Советской страны. Я имею в виду «Очерки русской смуты» Деникина, где он, в частности, обвинил Брусилова в предательстве интересов России и «обозвал» его... революционером и социалистом. В своем «Ответе А. Деникину» А. А. Брусилов с гордостью писал: «Принадлежа своему народу, я находил вполне естественным разделять его участь... В 1918, 1919 и 1920 годах я голодал и холодал и много страдал заодно со всей Россией...»

В годы гражданской войны Алексей Алексеевич стремился передать Красной Армии свои разносторонние военные знания и богатый боевой опыт. Ему принадлежат ценные предложения по подготовке командного состава, им высказаны глубокие мысли о развитии родов войск и видов вооруженных сил. Вместе с В. И. Лениным А. А. Брусилов подписал обращение-листовку к белогвардейским войскам — обращение, призывавшее офицеров и солдат врангелевской армии прекратить братоубийственную войну.

Все это вызвало бешеную злобу белогвардейцев, объявивших Брусилова вне закона и заочно осудивших на смертную казнь.

В феврале 1923 года А. А. Брусилова назначили инспектором кавалерии РККА. В 1924 году он ушел в отставку по возрасту (ему было более 70 лет), но оставался в распоряжении Реввоенсовета республики для особо важных поручений.

Умер А. А. Брусилов в Москве 17 марта 1926 года в возрасте 73 лет и был похоронен со всеми воинскими почестями на Новодевичьем кладбище.

Незадолго до смерти он закончил свои воспоминания. Генерал завещал издать их после его смерти и обязательно в России, что и было сделано в 1929 году. В предисловии к этой книге говорилось, что «Воспоминания» А. А. Брусилова — исключительно правдивый и яркий обвинительный акт царскому режиму.

И вот в 1948 году черная тень клеветы легла на честное имя русского генерала. Что случилось?

Вскоре после смерти Алексея Алексеевича вдова Брусилова Надежда Владимировна и ее сестра Вера Владимировна Желиховская (обе они были дочерьми писательницы Веры Петровны Желиховской) уехали в Прагу. Здесь в ту пору жило много белоэмигрантов, в частности бывших офицеров царской армии. Надежда Владимировна увезла с собой некоторые рукописи мужа и в 1932 году передала их в Русский заграничный исторический архив, так называемый "Пражский архив». В этот же архив после смерти сестры Надежды Вера Желиховская также сдала какие-то документы. Так в «Пражском архиве» оказался явно фальсифицированный экземпляр второй части «Воспоминаний» А. А. Брусилова. Эти материалы целиком нигде не были опубликованы. Во время войны гитлеровские пропагандисты пытались использовать отдельные отрывки из «Воспоминаний», чьей-то вражеской рукой начиненных махровой клеветой на СССР, хотя всем было известно, что Брусилову чужды такого рода высказывания.

Последующее изучение документов показало, что А. А. Брусилов не имел никакого отношения к этой фальсификации. Это сделали, как установила экспертиза, чьи-то другие руки. Не исключено, что в последующем, в годы второй мировой войны, фашисты тоже внесли свою долю в фальсификацию мемуаров.

Что установили эксперты-криминалисты?

Необходимо было доказать, что так называемая вторая часть воспоминаний написана не самим генералом, а его женой или кем-либо другим. Задача тем более трудная, что почерк Н. В. Брусиловой похож на почерк ее мужа.

На помощь пришли эксперты. Известно, что опытный криминалист может безошибочно определить, написан ли изучаемый документ данным лицом. Однако такой ответ он может дать только после сравнительного изучения исследуемого документа и документов, бесспорно написанных этим человеком. В распоряжении исследователей второй части «Воспоминаний» такого контрольного материала было предостаточно. Имелись рукопись в 194 страницы, документы, письма, бесспорно написанные рукой генерала Брусилова.

В разное время и независимо друг от друга — больше того, не зная о поисках своих коллег,— подлинного автора рукописи «Воспоминаний» устанавливали специалисты-эксперты А. П. Краснов, А. С. Кошаев, Н. И. Туров, П. Г. Орлов; В. В. Томилин и работавшие вместе Б. Л. Зотов, А. И. Манцветова и В. С. Орлова. В

С. Репин (Киев). МЕЧТЫ.

В. Журавель (Киев). «ТОПОЛЯ»

практике почерковедческих экспертиз подобного «ансамбля» мастеров этого дела, пожалуй, еще не было. Такое изучение рукописи делает результаты трудов экспертов особенно убедительными.

Мы не станем рассказывать о специальных особенностях их работы. Важно, что все три экспертизы раздельно констатировали: рукопись второй части «Воспоминаний» от начала и до конца написана одним и тем же лицом. Об этом говорят многочисленные общие и частные признаки почерка: наклоны букв, их размеры, даже разгон, то есть промежутки между буквами, нажим. Эксперт А. П. Краснов специально отметил особенно характерный для почерка автора одинаковый способ написания всех одноименных букв. Рукопись написана свободно, уверенными движениями, без остановок, с достаточной скоростью. Это, как показывает практика криминалистов,— свойство людей, обладающих опытом письма.

Все эксперты разными путями пришли к одному и тому же выводу: почерк человека, работавшего над этой рукописью, совпадает с почерком Надежды Владимировны Брусиловой. Эксперты установили, что отдельные вставки и исправления антисоветской направленности сделаны не рукой Брусилова и даже не одним почерком, а несколькими. То была рука врага Советского государства, но никак не рука Брусилова.

Что сказали филологи

Не миновала «подозреваемая» рукопись и Института русского языка Академии наук СССР. Здесь ее изучением занимался известный лингвист доктор филологических наук С. И. Ожегов и его молодые сотрудники Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов.

По просьбе корреспондента «Огонька» Сергей Иванович рассказал о результатах их исследований.

— Кроме самой рукописи,— сказал профессор Ожегов,— в нашем распоряжении был ряд материалов. Среди них — фотокопии писем А. А. Брусилова к жене, письмо к председателю ВЧК, а также машинописный текст неизданных воспоминаний жены генерала Надежды Владимировны: два тома на 570 страницах. Эта рукопись тоже оказалась в «Пражском архиве».

Лингвистический и стилистический анализ позволил нам установить истинную картину. Для А. А. Брусилова характерны некоторые синтаксические особенности, вполне устойчивые и самобытные. Так, например, предложения у него очень часто строятся со сказуемым в конце.

Мы изучили также лексику и фразеологию брусиловских материалов и установили ряд особенностей, характерных для Алексея Алексеевича. У него были свои излюбленные слова и выражения: «чрезвычайно», «в высшей степени», «вернуться обратно» и т. п.

Для стилистической манеры А. А. Брусилова вообще характерна чрезвычайная точность, иногда, так сказать, официальность в выражении мысли, стремление к точной документации, сдержанность в субъективных оценках людей и событий, в описании личных чувств и переживаний. А вот в рукописи второй части «Воспоминаний» есть места, которые никак не укладываются в рамки приведенной характеристики, звучат, я бы сказал, резким диссонансом, выпадают из брусиловского стиля. Они к тому же насыщены язвительными репликами по адресу видных деятелей революции, что совсем не соответствовало настроениям генерала ни раньше, ни позднее. Не брусиловской является какая-то повышенная эмоциональность в описании бытовых мелочей.

— Учтите,— пояснил Сергей Иванович Ожегов,— что вторая часть, хотя и писалась под диктовку генерала, в первоначальном виде представляла черновые наброски, которые Н. В. Брусилова позднее оформила как готовую рукопись. Ведь и он сам указывал, что продиктованное им есть «сырой материал, требующий отделки и более тщательной разработки». Автор воспоминаний так и писал: «...может быть, мне или жене это когда-либо и удастся сделать...»

Это и сделала Надежда Владимировна. Мы обнаружили в рукописи ее любимые эпитеты и выражения, которых никогда не обронил бы сам Брусилов. Стиль его, как я уже сказал, отличался строгостью, лаконичностью. Надежда Владимировна, напротив, любила такие слова, как «ужас», «чудесно», «прелестно» и т. п. Ими пестрят ее личные воспоминания. Да и уменьшительно-уничижительные слова, которые имеются в рукописи, тоже выдают их, так сказать, дамский характер. Тут же и злопыхательски бранные слова, никак не свойственные Алексею Алексеевичу.

...Невольно возникла мысль о родстве стилей Н. В. Брусиловой и ее матери В. П. Желиховской, которая была автором ряда приторно-слащавых произведений.

— Закономерно ли такое предположение?

— Дочь за мать, конечно, не отвечает,— улыбаясь, ответил С. И. Ожегов.— Но, разумеется, влияние Веры Петровны Желиховской могло иметь место.

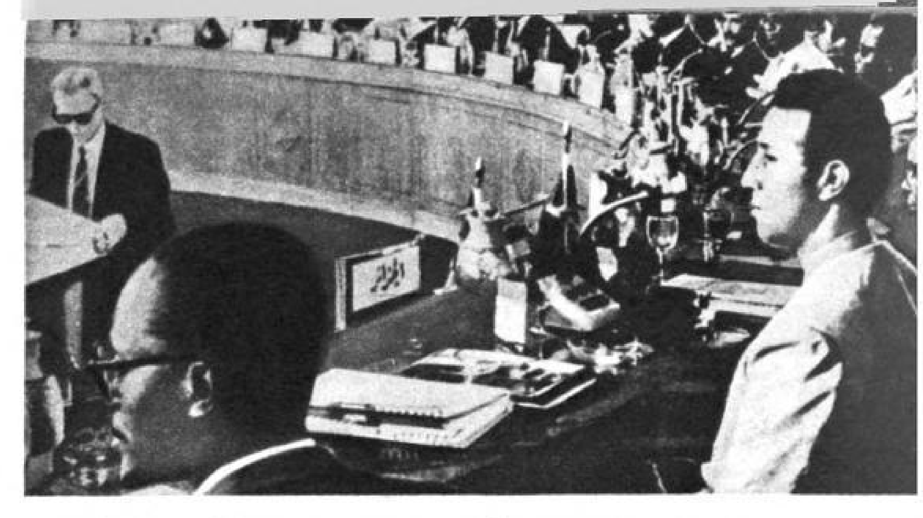
— Явно небрусиловскими,— продолжал профессор Ожегов,— были антисоветские и антисемитские высказывания, внесенные в рукопись. Он никогда не был врагом Советской власти, никогда не был антисемитом, наоборот, имеются его высказывания, в которых он выступал как враг антисемитизма.

— Наш анализ,— указал в заключение С. И. Ожегов,— позволяет с достаточной уверенностью перечислить те страницы, которые или содержат конкретные черты стиля Н. В. Брусиловой, или хотя и не содержат их, но по общей манере письма принадлежат ей. Особенно рельефно ее авторство проглядывает во второй половине рукописи. Для нас совершенно очевидно, что при окончательном ее оформлении Брусилова добавила свои общественно-политические оценки и внесла значительную долю собственного творчества, нарушив и исказив характерный для Алексея Алексеевича Брусилова «почерк»...

* * *

Так завершилась история изучения рукописи, обнаруженной в «Пражском архиве». Так был с полной очевидностью реабилитирован генерал А. А. Брусилов.

ФОТООБОЗРЕНИЕ «ОГОНЬКА»

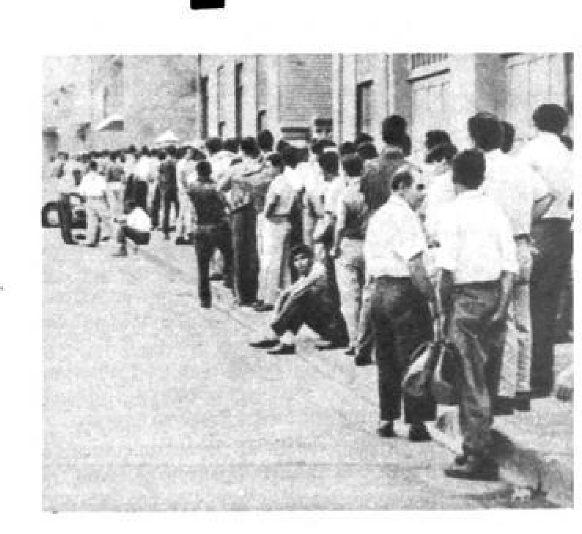
В Каире на 2-й Всеафриканской конференции глав независимых государств и правительств встретились лидеры африканского континента. Важнейший вопрос в повестке дня конференции — укрепление африканского единства. Снимок агентства Ассошиэйтед Пресс, полученный по фототелеграфу, сделан в зале заседаний конференции. На первом плане — председатель временного правительства борющейся Анголы Холден Роберто и президент Алжирской Народной Демократической Республики Ахмед Бен Белла.

Американская военщина продолжает грязную войну в Южном Вьетнаме. Сотни вертолетов и самолетов, тысячи «советников» направлены из США в Южный Вьетнам, чтобы задушить борьбу народа за освобождение. На снимке, переданном агентством Джапан Пресс, вы видите американских летчиков, которые готовятся к операциям против южновьетнамских патриотов. На другом снимке — подразделение бойцов Фронта национального освобождения. Патриотические силы Южного Вьетнама наносят поражение за поражением войскам марионетки Кханя, вымуштрованным и оснащенным американцами. Вся мировая общественность солидарна с героической борьбой патриотов Южного Вьетнама.

Перед биржами труда в Коста-Рике выстраиваются очереди безработных. В этой маленькой стране за воротами предприятий оказалось 70 тысяч человек — вдвое больше, чем несколько лет назад. Причина? Засилье монополий Соединенных Штатов разрушило костариканскую экономику. Местные предприниматели не в состоянии конкурировать с долларовыми гигантами. Предприятия закрываются, людей выбрасывают на улицу. По всей стране можно увидеть сцены, подобные той, что на нашем снимке. Он показывает очередь безработных возле биржи труда в Сан-Хосе.

Это произошло в Нью-Йорке. Белый полицейский застрелил 15-летнего подростка-негра. В Гарлеме, где было совершено преступление, возникла стихийная демонстрация протеста. Ее разгоняли сотни полицейских в стальных касках, с дубинками в руках. Один демонстрант убит, сто пятьдесят ранено, более тридцати арестовано.

В. ВЛАДИМИРОВ

На борту «Воровского»

В октябре 1924 года над мутными водами Жемчужной реки, в нескольких десятках километров южнее Гуанчжоу (Кантона), впервые заплескалось красное знамя с серпом и молотом — флаг советского посыльного судна «Воровский», шедшего из Архангельска во Владивосток.

Сверху, из Гуанчжоу, показалась китайская канонерка под флагом президента. Над широкими водами реки пронесся звучный сигнал советского горниста «большой сбор». Канонерка отдала якорь неподалеку от «Воровского». От ее борта отвалил моторный катер. Горнист сыграл «захождение». По трапу на борт советского корабля поднялся пожилой человек в желтом тропическом шлеме, в кителе защитного цвета, с тростью в руках.

Это был легендарный вождь китайской революции, первый президент Китайской республики доктор Сунь Ят-сен. Он медленно прошел вдоль фронта почетного караула, вглядываясь в лица матросов. Затем осмотрел корабль, задал несколько вопросов по-английски, пожал руки командному составу и уехал на катере под орудийный салют.

Советских моряков принимали в городе. В их честь была воздвигнута триумфальная арка. На митинге читали приветствие Сунь Ят-сена: «Ваше судно пришло издалека, и его прибытие является доказательством дружбы, существующей между обоими народами...» Приветствие кончалось словами: «Да здравствует СССР!»

Доктор Сунь не случайно придавал такое значение прибытию небольшого советского корабля. Дело в том, что начиная с 1918 года он пытался войти в контакт с молодой Страной Советов, но его письма, так же как ответы Советского правительства, с трудом достигали цели, а иногда и пропадали. Южный Китай отделяли от революционной России огромные пространства, находившиеся в руках врагов: Колчака, Семенова и китайских милитаристов Чжан Цзо-линя, У Пей-фу и прочих.

Сунь Ят-сен был одним из первых иностранных государственных деятелей, обратившимся с приветствием к Ленину в начале существования Советской власти.

«Революционная партия Китая,— писал доктор Сунь,—выражает глубокое восхищение тяжелой борьбой, которую ведет революционная партия Вашей страны, и жаждет сплочения революционных партий Китая и России для совместного ведения борьбы». Это приветствие было доставлено с большим опозданием через китайских эмигрантов в Америке. Оно обошло весь земной шар.

Нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин ответил немедленно. «...Наш успех есть ваш успех,— писал он,— наше уничтожение есть ваше уничтожение». Это письмо до Сунь Ят-сена не дошло.

Сунь отправил новое послание Чичерину. Письмо кончалось фразой: «С лучшими пожеланиями Вам и моему другу Ленину».

Осенью 1920 года доктора Суня посетил в Шанхае советский ученый Г. Войтинский.

— Географическое положение не дает нам возможности установить связь с Россией,— сказал ему Сунь Ят-сен.

Он продолжал думать о контактах с Советской республикой и спрашивал, нельзя ли установить во Владивостоке мощную радиостанцию, передачи которой можно было бы принимать на юге Китая. Но в те времена это было невозможно.

«...Сунь осыпал меня расспросами о России,— вспоминает Войтинский о своей второй встрече с Сунь Ят-сеном,— казалось, что во мне он заполучил гонца из далекой, но очень близкой Китаю страны, и он хочет не только слышать ответы на его вопросы, но хочет изучить голос, одежду, манеры человека, прибывшего из СССР».

Великий Сунь жадно изучал исторический опыт Советского Союза, стремился как можно больше узнать о стране победившего рабочего класса.

Накануне Северного похода

Создав в Гуанчжоу правительство, Сунь Ят-сен отправил в СССР военную делегацию. С конца 1923 года в Южный Китай стали прибывать советские советники и добровольцы. Военных специалистов всех родов оружия впоследствии возглавил В. К. Блюхер, который был известен в Китае под именем «генерала Галина». Китайцы называли его Цзя Лин.

«В нынешней революционной борьбе мы должны учиться у русских,— говорил Сунь.— ...Если в дальнейшей революционной борьбе наша партия не будет учиться у русских, она не добьется победы».

Готовился великий освободительный поход на север. Наши военные и политические советники гордились, что они принимают непосредственное участие в одном из величайших событий истории Китая — походе против иностранных наемников с целью установить в стране власть народа.

Когда в 1924 году «Воровский» пришел в Гуанчжоу, с помощью наших военных специалистов и политработников уже была начата реорганизация Национально-революционной армии и создана известная военная школа на острове Вампу (Хуанпу). Слушателями этой школы были добровольцы — рабочие и студенты. Впервые в Китае открылось военно-учебное заведение, обучавшее революционный народ владеть оружием и основывавшее свой курс на опыте гражданской войны в СССР. В школе Вампу преподавали советские военные Черепанов, Шевалдин, Бесчастнов, Яковлев и другие. Несколько лекций прочитал начальник Политуправления РККА А. Бубнов. Большую роль сыграл политический советник М. Бородин.

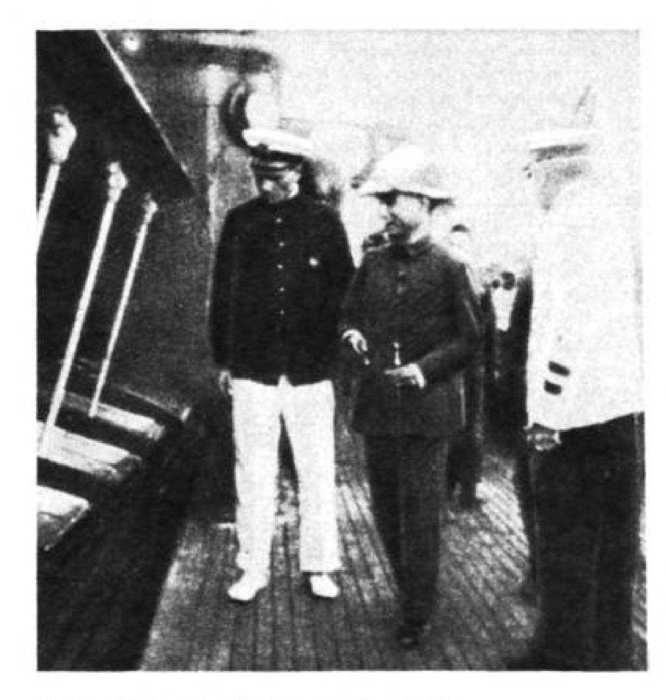
В свое время Мао Цзэ-дун указывал на всю важность советской помощи в самые решительные для Китая годы. «...В период Северного похода,— говорил он,— Советский Союз был единственным государством, которое оказывало поддержку освободительной войне Китая».

Сунь Ят-сен никогда не уставал подчеркивать мысль о необходимости постоянного единства Советского Союза и Китая. Это был его непреложный внешнеполитический принцип, такой же незыблемый, как союз с коммунистической партией внутри страны.

«Дорогой доктор,— писал ему назначенный советским послом Л. Карахан,— Вы — старый друг новой России и на Вашу поддержку в моей ответственной работе по тесному сближению двух народов я рассчитываю...»

В это время правые гоминдановцы уже начали подпольно вести подрывную деятельность внутри партии и армии, готовя политический заговор.

Сунь Ят-сен знал, что правое крыло Гоминдана набирает силы, чтобы всадить нож в спину революции. В этой обстановке ему нелегко было держать штурвал государственного корабля, держать его так, чтобы ни на секунду не порывалась спасительная связь с Компартией Китая и с Советским Союзом. Вот почему простые слова его телеграммы Карахану, посланной в январе 1924 года, приобретают особый, исторический смысл: «Оба народа, китайский и русский, должны работать, совместно идя по пути свободы и справедливости».

Сунь Ят-сен на борту «Воровского».

В. К. Блюхер среди бойцов и командиров Национально-революционной армии Китая. Редкий снимок.

Завещание

Перенесемся в Пекин в морозный декабрьский день 1924 года. На улицах гудят толпы студентов и школьников с флажками на длинных тростниковых палочках. Добровольческие батальоны студентов в шапках-ушанках выстраиваются вдоль перрона. Из-под виадука выползает паровоз.

Под приветственные крики и грохот барабанов поезд останавливается. В вагон входят встречающие, среди них Карахан.

Советский писатель С. Третьяков, которому посчастливилось видеть эту сцену, рассказывает: «...На площадке вагона появляется старик рядом с маленькой китаянкой. Он сильно закутан; зелено-пепельное лицо, ввалившиеся виски — будто череп рвется наружу сквозь мышцы лица. Это Сунь с женой. И сразу крик ликования наполняет навес...»

Сунь Ят-сен тяжело болел: у него был рак печени. Врачи не скрывали, что положение безнадежно, и он, сам врач, прекрасно знал, что дни его сочтены. Но на все предупреждения он отвечал невозмутимо: «Погодите, коллеги, я вам еще покажу!» И он продержался еще полтора месяца.

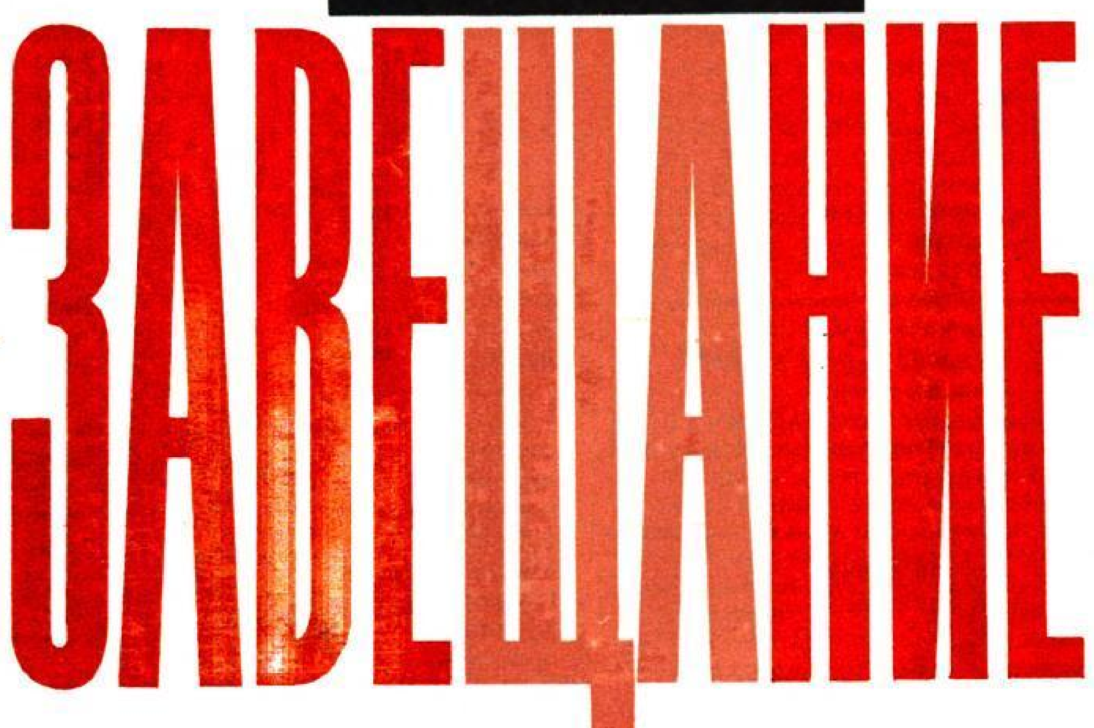
11 марта 1925 года Сунь сказал:

— Я долго боролся со смертью. Сегодня ночью я сдаю свои позиции.

Он велел перенести себя на узкую походную койку и, лежа на ней, продиктовал несколько документов, в том числе знаменитое письмо ЦИКу СССР, которое легло краеугольным камнем в историю двух великих народов:

«Дорогие товарищи! В то время, как я лежу здесь в недуге, против которого бессильны люди, моя мысль обращена к вам и судьбам моей страны.

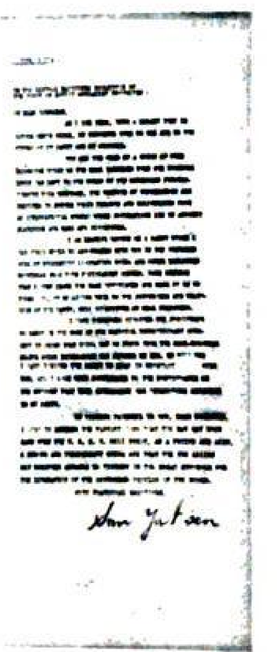

Вы возглавляете союз свободных республик — то наследие, которое оставил угнетенным народам бессмертный Ленин. С помощью этого наследия жертвы империализма неизбежно добьются освобождения от того международного строя, основы которого издавна коренятся в рабовладельчестве, войнах и несправедливостях.

...Я поручил партии,— пишет далее Сунь Ятсен,— быть в постоянном контакте с вами. Я твердо верю в неизменность поддержки, которую вы до сих пор оказывали моей стране. Прощаясь с вами, дорогие товарищи, я хочу выразить надежду, что скоро настанет день, когда СССР будет приветствовать в могучем, свободном Китае друга и союзника, и что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку. С братским приветом Сунь Ятсен».

Предсмертное письмо Сунь Ят-сена ЦИКу

今後之革命非以俄為師斷無成就

孫文

Автограф Сунь Ят-сена: «Если в дальнейшей революционной борьбе наша партия не будет учиться у русских, она не добьется победы».

Похороны

Сунь боролся со смертью всю ночь. Под утро он сказал жене:

— Я не оставляю после себя ничего, что принадлежало бы мне лично. Если я оставил бы хоть один грош, революция оказалась бы фарсом, а сам я — обыкновенным негодяем. Я оставляю только свое дело, а оно принадлежит нации.

Дежурному врачу он проговорил еле слышно:

— Я хочу быть похороненным, как Ленин, чтобы всегда быть с массами.

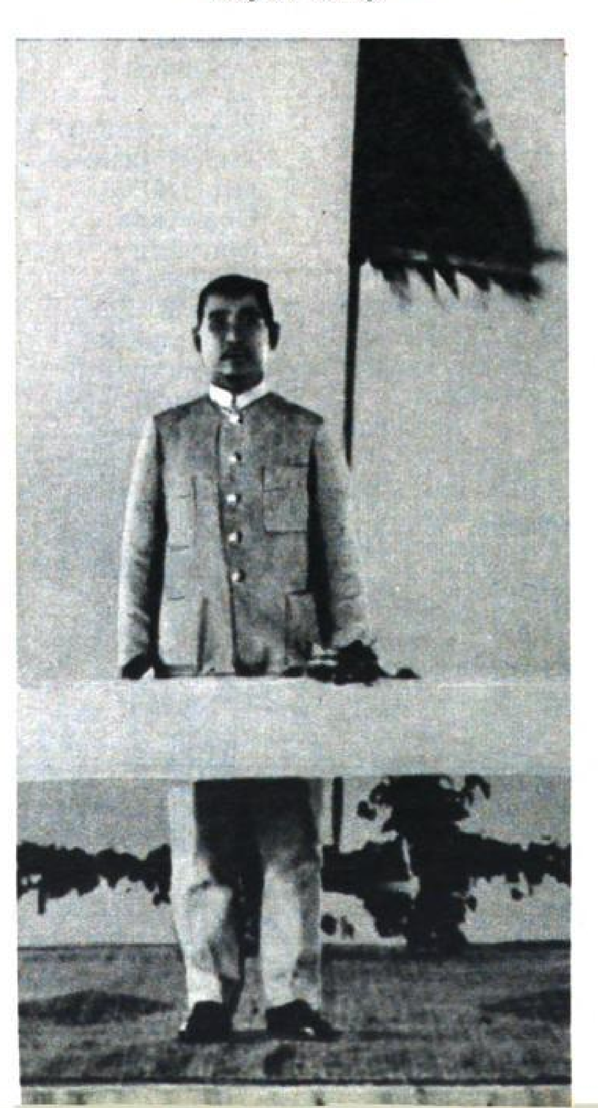
На следующий день к дому началось подлинное паломничество. Перед выставленным огромным портретом покойного виднелся венок с красными лентами, возложенный Караханом. (Карахан был единственным из иностранных дипломатов, прибывшим на похороны Сунь Ят-сена.)

Огромная толпа внесла в пекинский «Храм Огня» маленький гроб с желтым стеклышком против лица. В течение двух недель мимо этого гроба проходили несчетные массы людей — было принесено семь тысяч венков и пятьдесят тысяч поминальных надписей.

17 марта в Москве в переполненном Колонном зале состоялся траурный митинг. Представители коммунистических партий Советского Союза, Индии, Англии и других в своих выступлениях разделяли глубокую скорбь китайского народа.

Прах Суня был временно перенесен в «Храм Зеленого Облака», в пятнадцати километрах от Пекина. Этот старый монастырь расположен на горе, и гроб был поставлен на самую верхнюю террасу. Впоследствии прах был, согласно воле покойного, перевезен в Нанкин, где он находится и сейчас, тоже на высокой горе, в мавзолее. Туда ведет длинная лестница. Величественная тишина царит вокруг усыпальницы отца китайской революции. И в этой тишине невольно вспоминаются замечательные слова В. И. Ленина: «Без высокого, искреннего демократического подъема, который зажигает трудящиеся массы и делает их способными совершать чудеса и который виден в каждой фразе платформы Сунь Ят-сена, было бы невозможно действительное освобождение китайского народа от векового рабства».

Сунь Ят-сен выступает в военной школе на острове Вампу.

Забытый завет

Ветер шумит в листве деревьев вокруг последнего пристанища великого Суня. Годы идут над этой величественной могилой.

Народ победил. Рухнула власть милитаристов. Старые стены помнят, как по улицам освобожденных городов шла революционная пехота, а жители, стоя под портретами Ленина и Сунь Ят-сена, кричали: «Да здравствует Национально-революционная армия! Да здравствуют русские советники!..»

В 1927 году Чан Кай-ши нанес свой удар в спину революции. Созданная Сунь Ят-сеном партия Гоминдан стала в результате предательских действий чанкайшистов партией китайских черносотенцев и американских империалистов. Под руководством коммунистической партии китайский народ поднялся на борьбу и в 1949 году сбросил чанкайшистов с материка.

Залогом успешной национально-освободительной борьбы китайского народа, важнейшей гарантией его победы явилась советско-китайская дружба. Значение этой дружбы отражено в первых программных документах КПК в 1920—1921 годах.

Доктор Сунь не был марксистом, но он был трезвым, дальновидным политиком, врагом псевдореволюционной фразеологии и угара махрового национализма, которым охвачены сейчас китайские горе-теоретики.

Верный путь китайскому народу завещан Сунь Ят-сеном — крепить дружбу с Советским Союзом. Сунь убежденно верил, «что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку».

Александр ГОВОРОВ

Туристка-эгоистка

История о том, как я,
Полкан, сестренка Нинка
и два моих брата, Вовка
и Левка, ходили в
туристский поход.

В поход

Идем сегодня в турпоход,
и Нинка
в турпоход
идет.
Картошки взяли.
В банке — мед.
Редиски, соли кружку.
По росту встали,
и вперед,
в дорогу
друг за дружкой.
Как командир,
я впереди.
Полкан бежит
в сторонке.
За мною
Нинка,
чтоб в пути
не потерять сестренку.

Киска

Конечно,
этот турпоход
испортила
сестренка...
В кусты засела
и ревет:
забыли взять
котенка.
Понятно всем —
везет Полкан
картошку
и редиску.
Но для чего,
скажите нам,
нужна в дороге киска?
Мышей ловить
иль мух считать?
Никто из нас
не знает...

Сестра кричит:
— Вернусь
сейчас!
Кричит:
— Плохие братцы...

Она устала
раньше нас,
но стыдно в том
признаться.

Привал

Что ж,
привал!
Но посмотри-ка:
на поляне
земляника.
Первая,
красная,
спелая,
прекрасная.
Рви
и ешь,
и сколько хочешь.
Все
от радости хохочем.
Нинка встала на колени,
землянику
рвет
у ели.
Вовка —
лежа.
Левка —
тоже.
Зеленую
не рвите,
пусть дозревать
останется.
Мы не лакомки.
Нам просто
земляника
нравится.

Тревога

А пока мы
веселились,
Нинка вдруг
куда-то
скрылась.
Эй, ау!
Куда пропала?
Ты, сестренка,
не шути!
Пошутила,
поиграла
и скорее
выходи.
Но напрасно —
нет сестренки.
Нет под елкой.
Нет на елке.
Мы зовем,
кричим
и ищем.
Но ответа нет,
не слышен.
Будем здесь мы
до рассвета...

Но смотрите:
под кустом,
настелив
травы и веток,
спит
сестренка
крепким сном.

Костер

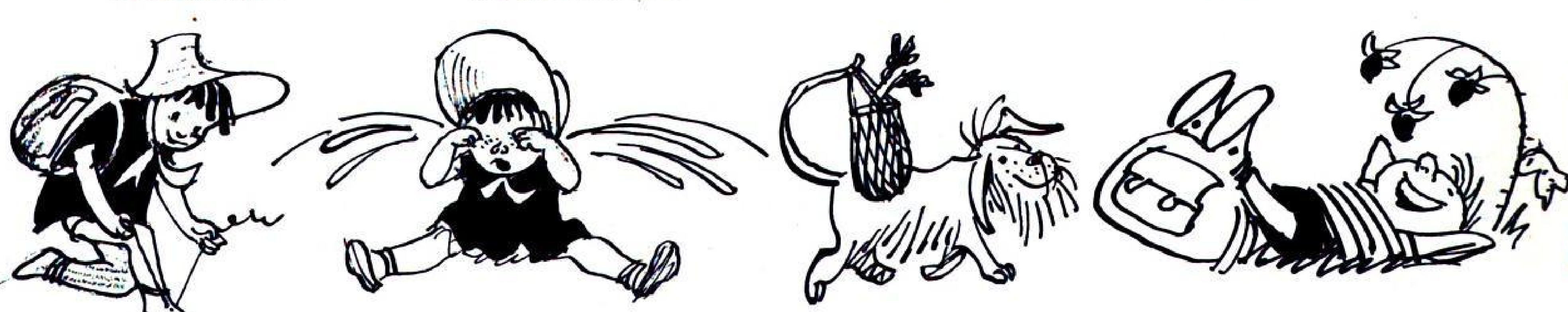
У речки
от кустов вдали
костер красивый
развели.
Пылай, костер!
Пылай!
Пылай!
Пылай, костер!
По-
трес-
ки-
вай!
Пылай, костер!
Гори!
Гори!
Обед туристам
ты свари.
Мы угли палкой
разгребли.
Картофелины?
В жар их!

И вновь
костер мы развели,
такой костер
мы развели,
хоть вызывай
пожарных.

Картошка

(Как мы воспитывали
сестренку,
и что из этого получилось.)

В костре
картошки напекли.
Смелей, сестренка!
На!
Бери!
Рассыпчатую,
с коркою,
в руках,
как угли,
колкую.
Смелей бери!
И в соль
макай.

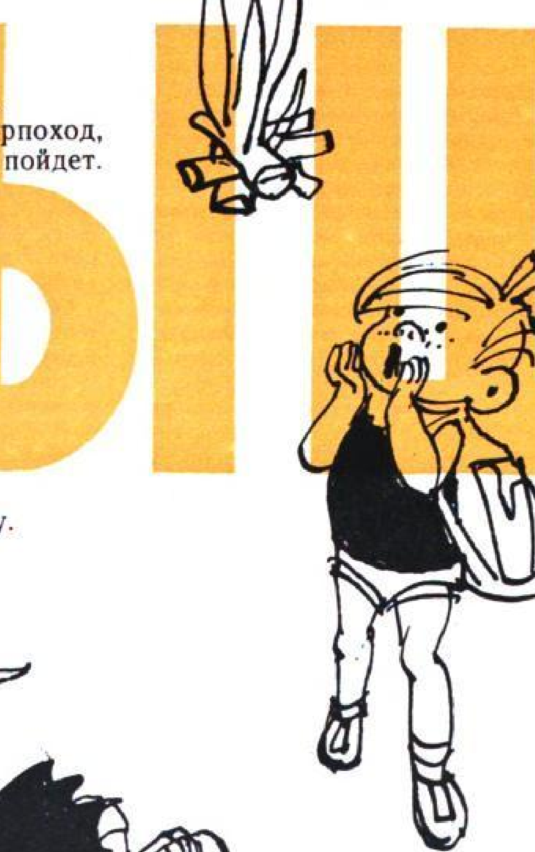

И пополам
разла-
мы-
вай!
И половинку
сразу в рот.
Она вкусна.
Вкусней,
чем мед.
Дуй!
Дуй,
покамест хватит сил...
Но вот
какое дело:
пока я речь
произносил,
и Вовка речь
произносил,
и Левка речь
произносил,
она
картошку съела.

Домой

Еще пойдем мы
в турпоход,
но Нинка с нами
не пойдет.
Ославила
на весь Союз,
и все село
узнало.
Нам Нинка,
словно лишний груз,
в дороге лишь
мешала.
А дело было,
значит,
так.
Ее несли мы
на руках —
вывихнула
ногу.
И Вовка
нес.
И Левка
нес.
И даже
добрый, верный пес
вез Нинку полдороги.
Еще пойдем мы в турпоход,
но Нинка с нами не пойдет.
А дело было,
значит, так:
не вывих был —
совсем пустяк.
Устала,
хитрая,
в пути.
Нарочно села
в ямку.
И нам пришлось
домой нести
сестренку-симулянтку.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Забота о дедушке

Елизавета ЗАЗИМКО

Витя смотрит телевизор и хвастается:

— А я ничего не боюсь, дедушка...

— Ну, конечно, ты же очень храбрый.

— Пусть хоть льва показывают, хоть тигра... Это вон Генка из 12-й квартиры боится. Он всегда рядом с мамой или папой сидит. А у меня свой стульчик, и я сижу отдельно от тебя, как взрослый... Правда, дедушка?

— Ну, конечно, правда.

На экране стали показывать войну. Пушка стреляет, кажется, прямо в Витю... Танк движется на Витю... Самолет... вууууу... летит тоже на Витю...

Он тихонько встает со своего стульчика и подходит к дедушке.

— Дедушка, подвинься, пожалуйста, я сяду рядом с тобой, чтобы тебе не было страшно.

г. Фрунзе

СИЛАЧ

Мих. ПЛЯЦКОВСКИЙ

Шел по улице силач и нес на плече груз. А был тот груз не большой и не маленький, не легкий и не тяжелый: всего-навсего кирпичный дом с балконами, трамвай, стеклянный киоск вместе с продавщицей мороженого, легковая машина и вдобавок еще — кошка... Нес все это силач, улыбался и даже насвистывал потихоньку.

А за ним стайкой тянулись мальчишки. Глядели они на силача да на его необычный груз и переговаривались между собой.

— А дом-то девятиэтажный,— подсчитал один.

— А трамвай-то с прицепом,— заметил второй.

— А мороженое в киоске — эскимо! — обрадовался третий.

— А машина вовсе не машина, а такси,— сказал четвертый.

— А кошка-то... рыжая! — засмеялся пятый.

Идут ребята за силачом, никак отставать не хотят. Увидела их на углу любопытная девочка, перестала прыгать через скакалку и крикнула:

— Эй, мальчишки! Куда это вы стекольщика провожаете?..

Но мальчишки ничего не ответили.

ГРУСТНОЕ УШКО

Геннадий ЦЫФЕРОВ

А что будет, если маленький встретит большого? Однажды маленький ослик встретил большого слона.

— А уу меня,— затрубил слон,— секрет.

— Ну что,— пожал плечами ослик.

— А у меня большой секрет,— сказал слон.

— А,— сказал любопытный ослик,— скажи на ушко.

Слон нагнулся и сказал:— Ду-ду.

Он сказал очень тихо. А ослик оглох. Вот так и ходил все лето. Одно ушко торчит, другое — висит. Грустное ушко, бедненький листик.

* * *

Ослик и медвежонок всегда спорили. Это потому, что один говорил: «Все приходит».

А другой: «Все уходит».

Просыпался утром медведь, улыбался:

— Смотри, пришло утро.

— Ну да,— плакал ослик.— Ведь ушла ночь.

А днем было то же. Опять медведь улыбался.

— День явился.

И снова плакал осел:

— Ну да, ведь ушло утро.

А однажды было вот что. К ним в гости пришел слон.

— Смотри, смотри,— заорал мишка.— К нам пришел сам слон.

— Ну да,— заплакал ослик.— Ведь он ушел из собственного дома.

Николай КИСЕЛЕВ

Футбол, огорчения и немного надежды

Играют олимпийские сборные СССР и ГДР.

Фото А. Бочинина.

Двенадцатилетний Родриго гордится своей формой — турецкого покроя шапочкой и наглухо застегнутой дымчатой курткой с двумя рядами блестящих пуговиц. Маленького рассыльного отеля так и называют — «ботон», что в переводе с испанского значит «пуговица». Это он принес воскресным вечером телеграмму из Ленинграда. Адрес краткий: «Мадрид, сборной СССР». Текст несколько необычный: «Сегодня матч — мы болеем за вас. Завтра экзамен — все зависит от вас. Так спасите же нас. Группа студентов ЛТИ».

Боюсь, что туго пришлось будущим текстильщикам на экзамене. Телеграмма их, увы, запоздала. Ее доставили как раз, когда автобус со спортсменами вернулся со стадиона, где наша команда проиграла финальную встречу европейского Кубка наций. А приди послание тремя часами раньше, может, и вняли бы мольбе ребята, выручили студентов (а заодно порадовали и всех болельщиков!). Впрочем, на футболистов надейся, а сам не плошай...

Это, конечно, шутливая присказка. А вот то, что первая сборная СССР потеряла Кубок Европы, что неделю спустя наши олимпийцы вместе со своим тренером срезались на варшавском экзамене,— разговор уже серьезный.

Шансы, техника, скорость

...Июнь 1958 года. Швеция. В палисадниках сирень клонит цветущие ветки под упругими ливнями. Той капризной весной и дебютировала сборная СССР на чемпионате мира. Дебют не назовешь удачным. Рухнули наивные надежды на свидание с «Золотой богиней».

Нет, не суждено было взойти нам тогда на футбольный олимп. Да и теперь, шесть лет спустя, мы не стали ближе к цели. Судите сами.

В Чили, где наши футболисты вторично стартовали на мировом форуме, команда споткнулась на том же рубеже, что и в Швеции,— в четвертьфинале. В официальной европейской классификации (а таковой является устраиваемый раз в четыре года розыгрыш Кубка наций) сборную СССР недавно потеснили с высшей ступеньки испанцы. Добавьте к этому, что победители мельбурнских игр снова, во второй раз, остались за бортом финального олимпийского турнира. И станет ясно: бить в литавры нет оснований.

Но, может, результаты сборных не так характерны? Что ж, рассмотрим итоги товарищеских встреч клубных команд в 1963 году (к сожалению, в официальных турнирах — Кубке европейских чемпионов, Кубке обладателей кубков,—как и прежде, участия мы не принимали). Общий баланс выглядит внушительно: 32 команды класса «А» провели 126 состязаний с зарубежными соперниками, взяв верх в 83. А если отбросить игры с заведомо слабыми коллективами? Ограничиться, скажем, результатами матчей нашей сильнейшей шестерки, которая играла с командами Бразилии, Венгрии, Италии, ГДР, Польши, ФРГ, Дании, Румынии и Чехословакии? Статистика будет совсем иная: побед — 7, поражений —12 при пяти ничьих.

Так что и анализ выступлений клубных команд не приносит утешения.

Что же мешает нам успешно бороться за первые роли на международной арене?

...Перед финальным матчем Кубка Европы в Мадриде, как обычно, не было недостатка в прогнозах. Общее мнение испанской прессы выразил заглянувший к нам в отель спортивный обозреватель газеты «Эль Ал Касар» Фернандо Альберт:

— Если испанцы не забьют в начале встречи два-три мяча, то проиграют, так как не выдержат высокого темпа русских.

Никого не удивил стартовый спурт хозяев поля. И то, что они уже на шестой минуте повели 1 : 0, восприняли как подтверждение прогнозов. Юркий «малыш» Галимзян Хусаинов тут же восстановил равновесие. Добиться желаемого «запаса» голов хозяева не смогли. Все сходились к тому, что ситуация складывалась в пользу спортсменов в красных футболках.

Однако время близилось к концу, а на табло оставались единички. Все ждали, что испанские футболисты «выдохнутся», а они на финише полуторачасовой напряженной схватки выглядели даже свежее гостей и за семь минут до финального свистка склонили чашу весов в свою пользу!

Короче говоря, мадридский матч показал, что советские футболисты уступают в скорости и выносливости. За бесконечными (в общем-то, небесполезными) спорами последних лет о тактике мы и не заметили, как отстали от сильнейших зарубежных команд в физической подготовке, превосходство в которой всегда было нашим коньком.

С грустью замечали мы и другое: защитники нашей команды десятки раз попадались на одни и те же приемы Амансио, Переды, Суареса и Лапетры, а форварды не могли найти «противоядия» против своих опекунов.

В. Воронин, В. Иванов и Г. Хусаинов — вот, пожалуй, и все, кто не уступал испанцам в технике. Скажем прямо, список не велик, когда речь идет о гвардейцах нашего футбола.

Вопрос об отставании в технике не нов, и его не решишь за один-два сезона. Это беда всего нашего футбола. Старший тренер К. И. Бесков сетует, что в сборной процентов семьдесят времени приходится уделять технической подготовке футболистов. Подобная проблема никогда бы не встала перед наставниками национальной команды Бразилии: они получают из клубов готовых виртуозов мяча.

То, что вынуждены делать наши тренеры сборной,— не от хорошей жизни. Да и вообще когда игроку 20—25 лет, к нему приходит зрелость тактического мышления, он получает необходимую физическую подготовку. В таком возрасте можно лишь шлифовать технику, доводить до высшего совершенства искусство владения мячом, разучивать новые приемы. Овладевать же основами технического мастерства уже поздновато. Это надо делать в юношеские годы, когда технические элементы усваиваются гораздо легче.

Проблемы техники — это прежде всего проблема футбольных школ молодежи и групп подготовки при командах мастеров, проблема полей (на кочковатых мяч не будет слушаться игрока). Это проблема тренерских кадров — кому доверяется обучение юношей, владеют ли сами учителя техническими приемами?

Впрочем, не стоит залезать в дебри специальных вопросов: их не раз поднимала спортивная пресса. Хотелось бы обратить внимание еще вот на что.

Кто был на встрече московских команд «Спартак» и «Динамо», не мог не заметить, как правый защитник спартаковцев Анатолий Солдатов беззастенчиво отбивал мяч за лицевую линию. Он был уверен, что полагающийся за это «штраф» не опасен, ибо динамовцы не смогут хорошо использовать угловые удары (так действительно и случилось). Полагаю, в игре с киевлянами Солдатов так рисковать бы не стал. Ведь у тех есть Валерий Лобановский. С ним шутки плохи.

Почему же Лобановский остается в гордом одиночестве? Почему московские одноклубники киевлян, так же, как спартаковцы, армейцы, торпедовцы, не выучат своих крайних нападающих с таким же мастерством подавать угловые, как подает Лобановский? Почему «сухим листом» владеют все еще немногие футболисты (хотя резаные удары теперь не такое откровение, как пять лет назад)? Почему так редко применяются опасные прострелы вдоль ворот? И много других «почему»...

А ответ, по-моему, один.

В. Лобановский отрабатывал угловые удары по 200—300 раз за тренировку, пока его подачи не стали столь грозны. Высокая техника — это прежде всего упорный труд.

Последнее время объем и интенсивность тренировок почти во всех видах спорта резко возросли. И только у футболистов нагрузки остались прежними и по сравнению с конькобежцами, штангистами, легкоатлетами — довольно невысокими. Этим во многом объясняются причины топтания на месте мастеров кожаного мяча.

О песнях, валерьяновке и бойцовских качествах

Финал европейского Кубка вылился в яркую, захватывающую дуэль равных соперников, в которой могла победить и та и другая команда. Выиграли испанцы. Почему? Только ли дело в технике и скорости?

Вечером на приеме, устроенном в честь футболистов, руководите-

ли испанской федерации единодушно отметили, что их сборная еще никогда не играла так вдохновенно и сильно, что каждый игрок самоотверженно боролся за победу.

Абсурдно утверждать, будто наши ребята меньше соперников желали победы. Помнится, приехали мы на мадридский стадион. По дороге в раздевалку Алексей Корнеев сказал мне: «Сегодня надо сделать все, чтоб выиграть. Иначе нельзя». Сказал это убежденно, без рисовки. Однако ребята не сделали «всего». И сам Корнеев тоже.

Если б только о нем речь! Корнеев, как и Шустиков, выступал на непривычном для себя месте. А где тонко, там и рвется. Может, в тренировочных встречах они выглядели в новых амплуа неплохо. В бою же с сильным противником пришлось расплачиваться за ненужный тренерский эксперимент. Но разве только Корнеев и Шустиков сыграли не лучшим образом?

Когда об этом заходит речь, мне вспоминается Мельбурн и «беспощадный матч» на беговой дорожке Владимира Куца с хитрым англичанином Гордоном Пири. «Невозможно быть больше бойцом, чем Куц! Это дьявольский человек!» — таково было мнение зарубежной прессы. Вспоминается и олимпийский Рим, драматическая дуэль наших прыгунов в высоту с американцем Джоном Томасом, который считался «единственным неоспоримым и верным фаворитом». Чтоб победить негра, тбилисцу Роберту Шавлакадзе надо было покорить высоту, прежде для него недоступную. И он взял 216 сантиметров, взял единственный раз в жизни, но зато в таких соревнованиях, когда смог принести Родине самый высший трофей — золотую олимпийскую медаль.

А могут ли наши футболисты, положа руку на сердце, заявить: в Мадриде и Варшаве сделано все, что было в силах? Думаю, что не могут.

Часа за два перед началом варшавской встречи олимпийцев один игрок пришел к врачу В. Мышалову и попросил... валерьяновых капель: скоро на поле выходить, а его нервная дрожь бьет. Почти об аналогичных случаях в далекой Арике рассказывал на страницах «Огонька» Виктор Понедельник. Вызовет судья команды, выстроятся они в центре. Видит Виктор: противник держится непринужденно, улыбается, а его соседи стоят угрюмые, бледные, коленки даже трясутся. Над ребятами «висела» какая-то фатальная боязнь проигрыша.

Шутка, смех, улыбка и поныне редкий гость в сборной, а песни вообще не услышишь.

Все это, возможно, мелочи. Однако разве не подобные мелочи влияют на настроение футболистов, на их игру? Право, пора серьезно задуматься над волевой и психологической подготовкой сборных команд к ответственным матчам.

Старое повторяется в... ошибках

Претензии наших футболистов на мировую корону пока несостоятельны. Это так. Но Кубок Европы они могли отстоять и тем более добыть путевку в Токио. Вряд ли справедливо ставить на одну доску неудачи в Мадриде и Варшаве. Национальная сборная СССР прошла весь трудный кубковый путь, второй раз пробилась в финал (что само по себе большое достижение!) и награждена серебряными медалями. Олимпийцы же застряли, в сущности, на самой начальной стадии борьбы.

И все же в основе неудач обеих команд есть общие причины — серьезные организационные просчеты. Приходится удивляться, с каким постоянством повторяются у нас одни и те же ошибки.

Чехарда с составом привела к поражению олимпийскую команду СССР в отборочных играх 1959 года. Пять лет спустя видим ту же картину. Тренеры В. Соловьев и Е. Лядин с легкостью необыкновенной ввели на решающий матч сразу шесть (!) новых игроков.

Вся кропотливая прошлогодняя подготовка команды, итогом которой явилось турне по Южной Америке, пошла насмарку. В том составе, в котором олимпийцы вышли на первый отборочный матч со сборной ГДР в Лейпциге, команда не провела ни одной контрольной встречи.

Отсутствие взаимопонимания среди нападающих (еще бы: четыре форварда из четырех клубов!), хаос в защите, нервозность вратаря. Разве может такая команда рассчитывать на успех?

Константин Иванович Бесков принял год назад национальную сборную в плачевном состоянии. И он много сделал, чтобы команда вновь стала боеспособным коллективом. К. Бесков сменил всю защиту, привлек в сборную талантливую молодежь из разных городов. Правда, реконструкцию завершить не успел. Когда дело дошло до серьезных испытаний, тренеры сделали ставку в линии нападения на ветеранов. А трудно ждать победы в Мадриде от тех, кто не смог добыть ее в Арике.

Надо сказать, что география «испанского» состава нашей национальной команды оказалась даже хуже «чилийского»: один ростовчанин, остальные москвичи. Неужели год поисков оказался тщетным?

Между тем под флагом этого поиска сборная провела уйму тренировочных международных матчей. Говорят, их было чуть ли не тридцать, и это своеобразный рекорд. Но если рекорд, то, право, печальный. Кому нужно такое обилие встреч с заурядными зарубежными клубами, у которых сборной учиться нечему?

Гораздо больше пользы приносят поединки на уровне национальных сборных. Это признано всем миром. Это не раз признавалось и у нас. На словах. А на практике по-прежнему спарринг-партнеры сборной избираются полегче. Шесть лет советские футболисты не встречались со сборными Англии, Бразилии, Австрии. Единственное состязание с серебряным призером мирового чемпионата — Чехословакией относится к 1960 году. А сколько времени прошло с последних матчей с Францией и ФРГ!

В разгар зимы сборная СССР уехала в Мексику. Участие в продолжительном турнире не заменило спортсменам периода активного отдыха. А игры на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря не могли не отразиться на спортивной форме футболистов. Потому в Мадриде наши ребята и выглядели более уставшими, чем испанцы.

В длительных сборах есть и другие отрицательные черты. Помнится, ребята рассказывали о полуторамесячных пребываниях за рубежом перед поездкой в Чили. Отель — стадион — отель. Иногда кино. И так день за днем. Все опротивело. Лица друг друга надоело видеть. Однообразная обстановка, жизнь вне семьи, родного коллектива — разве это не может не влиять на психологическое состояние футболиста?

И опять приходится возвращаться к прежним решениям. После шведского турнира всесоюзная федерация осудила порочную практику длительных сборов, а в 1962 и 1964 годах эти сборы повторились. Федерация сейчас считает поездку сборной в Мексику ошибкой. Почему же она ее разрешила?

Да потому, что все дела сборных команд были отданы на откуп их тренерам, которые не очень-то считались с иным мнением, с рекомендациями медицины и научно-методического совета.

Навести порядок в футбольном доме!

Неудачи на международной арене заставляют, не шарахаясь в крайности, по-иному взглянуть и на порядки в нашем футбольном доме. А неурядиц здесь довольно много. Возьмем проблему внутреннего календаря, ломка которого стала притчей во языцех.

В Англии перенос матча национального первенства — событие чрезвычайное. У нас расписание игр нарушается постоянно.

Приводит это к тому, что чемпионат заканчивать приходится в слякоть или на заснеженных полях. Так было и в прошлом году, когда даже самые стойкие болельщики предпочитали домашний уют у телевизоров холоду пустых трибун. Один мой коллега не поленился и подсчитал всех очевидцев матча «Локомотив» — «Авангард», проходившего в морозный вечер. На стадионе оказалось 356 мужчин и 13 женщин, включая контролеров.

Пока не будет наведен строжайший порядок в календаре, весь футбол, в том числе и сборные команды, будет продолжать лихорадить. Ведь основа основ — работа в клубах.

Навести порядок — значит обеспечить нормальный учебно-тренировочный процесс в командах. А он требует строгих интервалов между матчами. Практика зарубежного футбола подсказывает лучшие сроки проведения игр чемпионата страны — раз в неделю. Скажем, по воскресеньям (как в Бразилии, Италии) или по субботам (как в Англии). Одну-две среды (или вторника) в месяц выделять для международных и кубковых встреч.

Однако решение всех этих вопросов упирается и в порядок розыгрыша первенства.

Несколько лет назад были раздвинуты рамки класса «А». Спортивные руководители уверяли: представительство — это и есть политика в футболе. Но думается, главная политика в футболе — успешное выступление на международной арене. Крупное поражение олимпийцев — это большой урон престижу всего советского спорта. Когда футболисты возвращаются без Кубка из Мадрида, без медалей из Чили — это одинаково огорчает москвичей и ташкентцев, киевлян и иркутян.

Ныне класс «А» разросся до 44 коллективов. Нечего закрывать себе глаза: у нас нет такого количества действительно классных команд. Но дело в конце концов не в том, сколько клубов числится в первом эшелоне, тем более что золотые медали все равно оспаривает лишь высшая лига. Но и 17 клубов в ней — много.

Надо серьезно взвесить, при каком количестве команд можно успешно проводить чемпионат страны, чтоб не затягивать его до зимы и вместе с тем дать возможность участвовать во всех ответственных международных турнирах, включая кубки европейских чемпионов и обладателей кубков. Есть много и других проблем, ждущих решения.

Если мадридский и варшавский уроки пойдут впрок (чего не случалось после Швеции и Чили), если будет покончено с попиранием общих законов спорта в футболе (это касается и методики тренировок и особенно организации соревнований), то есть надежда, что уже очередной мировой форум 1966 года принесет нам больше радости, чем предыдущие.

Мадрид — Москва.

Ц. СОЛОДАРЬ

Ну-ка, отними!

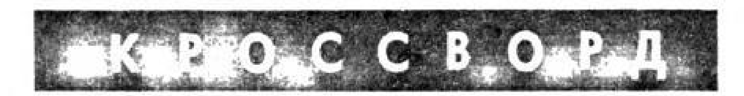
Фельетон

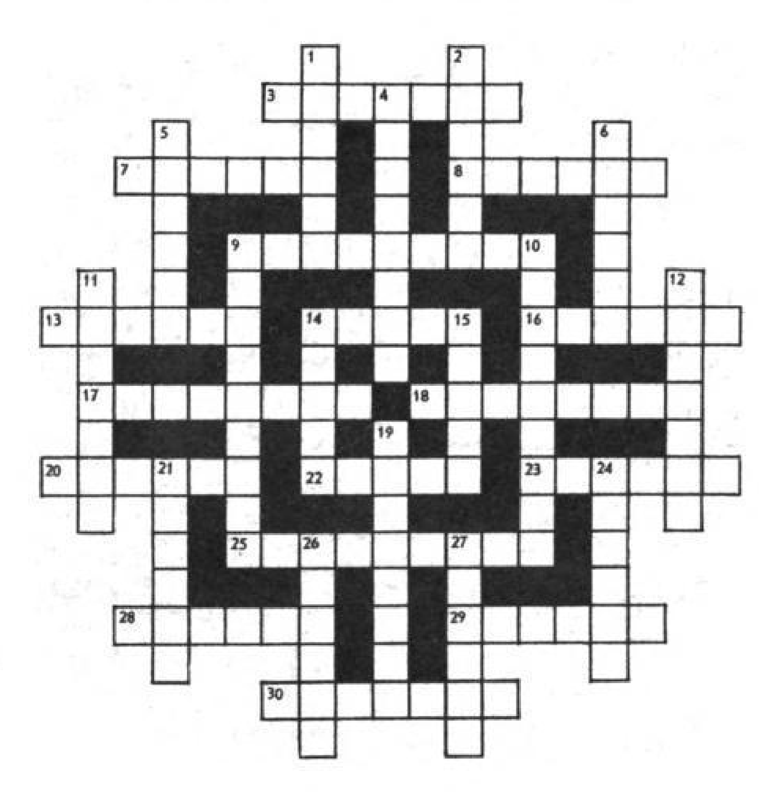
Я — который день подряд! —
Обхожу гигантский склад.
Ох, не счесть мне груд металла
И лесных материалов,
Словом, всяческих завалов,
Что на складе том лежат!
Рядом с цинком вижу тёс,
В землю брус дубовый врос,
Тут и медь, и сталь, и гвозди,
Тут и медный купорос.
Тут и гайки, тут и спицы,
Шайбы, плиты, рукавицы,
Нитки, ленты без конца.
Словом, тут, как говорится,
Что угодно для дельца.
А директор, словно гид,
Мне любезно говорит:
— Нашей фабрике конфетной
Это все принадлежит.

Я на медь гляжу, на тёс,
Я задать спешу вопрос:
— Вам для выпуска ирисок
Разве нужен купорос?
Ну, а леденцы «Кис-кис»
И конфетки «Барбарис»
Без асбеста, без цемента
Не могли бы обойтись?
Для какой, скажите, цели
Вами сталь припасена?
Для начинки карамели
Сталь как будто не нужна!
И как будто вам не надо
Чугуна для мармелада,
И не требует ландрин
Ни резиновых бобин,
Ни гвоздей, ни шайб, ни гаек,
Ни поливочных машин.
И для сливочной помадки
Тоже вроде не нужны
Ни походные палатки,
Ни туристские лопатки,
Ни пожарные штаны.
Объясните, черт возьми,
Может, требуется это
Вам для выпуска конфеток
Сорта «Ну-ка, отними!»?

Сохраняя гордый вид,
Мне директор говорит:
— Это наши сверхресурсы,
Сверхрезерв и сверхлимит.
Ведь запасы наши все
Не помеха и преграда
Ни суфле, ни мармеладу,
Ни драже, ни монпансье.
Эти груды собирая,
Лично я не спал ночей,
Доставая и меняя,
Ублажая, умоляя
И от края и до края
Рассылая толкачей.
И с невинными глазами
Мне назойливо твердит:
— Понимаете вы сами,
Что запас не тяготит,
Не мешает делать план
И не тяжелит карман!
(Если тот карман, заметим,
Государственный карман.)
Раскулачить нас попробуй!
Нет, за свой запас особый
Мы готовы лечь костьми
С кличем:
«Ну-ка, отними!»

Мне, читатель, подскажите,
Как такого назовем:
Бережливый расточитель
Или щедрый скопидом?
Впрочем, прямо назову
И скажу по существу:
Этакая бережливость
Равносильна воровству!

По горизонтали:

3. Промышленное предприятие. 7. Дипломатический представитель. 8. Обезьяна. 9. Голландский художник. 13. Дерево семейства буковых. 14. Киргизский народный эпос. 16. Порт в Бирме. 17. Самодвижущийся экипаж на полозьях. 18. Научное предположение. 20. Верхняя одежда. 22. Металл. 23. Полный круг вращения. 25. Хирургический инструмент. 28. Рассказ М. Горького. 29. Действующее лицо оперы «Запорожец за Дунаем». 30. Река в Новосибирской области.

По вертикали:

1. Пьеса Б. Лавренева. 2. Армянский поэт. 4. Докладчик, консультант. 5. Австрийский композитор. 6. Птица с ярким оперением. 9. Эпоха Возрождения. 10. Областной центр в УССР. 11. Один из старейших курортов Забайкалья. 12. Персонаж романа Ф. Гладкова «Цемент». 14. Математический знак. 15. Прием, метод работы. 19. Типографский шрифт. 21. Нефтеналивное судно. 24. Скопление водяных паров в атмосфере. 26. Театральное объявление. 27. Приток Енисея.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали:

5. Арсеньев. 6. Рубероид. 9. Трава. 10. Крикет. 11. Альбом. 12. Сицилия. 15. «Бородино». 16. Орошение. 17. Реконструкция. 20. Валежник. 22. Образцов. 24. «Обломов». 26. Латунь. 27. Полька. 28. Литер. 29. Либретто. 30. Антиквар.

По вертикали:

1. Гейзер. 2. Нейтрино. 3. Буратино. 4. Гриали. 5. Астроном. 7. Демокрит. 8. Радиоактивность. 13. Чимкент. 14. Концерт. 18. Карнавал. 19. Фольклор. 21. Кабельтов. 22. Обозрение. 23. Янтарь. 25. Кодекс.

■

На первой странице обложки: Ракетный корабль готов выйти в море (см. фоторепортаж о моряках-ракетчиках).

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: «Братск — Луна». В детском саду № 20 г. Братска.

Фото Дм. Бальтерманца.

УХОДЯТ В МОРЕ

К. ЧЕРЕВКОВ, Н. АНАНЬЕВ

У вас нет автомобиля? Вы не хотите ехать автобусом? Вас пугает вокзальная суета? Купите билет на теплоход и в субботу вечером отправляйтесь с Финского залива на Балтику. Ночь в пути, а утром вас встретят морские причалы Таллинского порта.

Вы оставите свой плавучий дом, побродите по таллинским улицам, скверам, посидите за столиками в таллинских кафе, сфотографируетесь с друзьями у Вышгородского замка и вернетесь на теплоход. Он снова станет вашим уютным домом до следующего утра, когда вам надо возвращаться в родной Ленинград на работу.

Так поступают многие ленинградцы. Они покупают билеты — часть средств выделяют профсоюзы — и на своем комфортабельном теплоходе уходят с субботы до понедельника путешествовать по Балтике. Никакие поездки на самых быстроходных экспрессах, по самым живописным автострадам не заменят голубой дороги, продуваемой упругим балтийским ветром. Пусть даже штормит, пусть прохладно на Балтике, все равно приятно с палубы любоваться вечерним закатом, а ночью наблюдать, как где-то вдалеке мигают огни маяков.

Безбрежные морские просторы словно рукой снимают усталость. В каютах, салонах, барах, ресторанах — всюду туристы находят развлечение.

Они возвращаются в Ленинград утренней зарей в понедельник. Многие прямо из морского порта торопятся в цехи заводов, фабрик, в лаборатории институтов. Один такой морской рейс на лайнере «Башкирия» запечатлел наш фотообъектив.

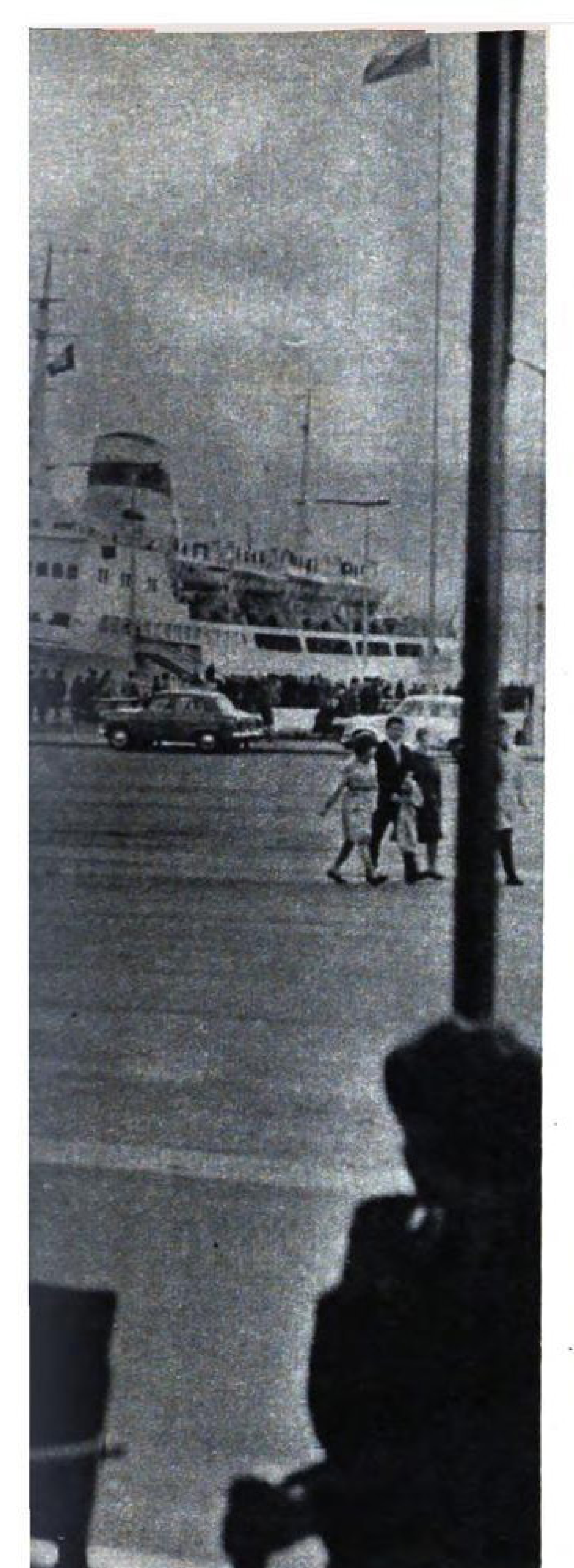
Последние минуты у берега.

Балтика штормит...

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

В бассейне на палубе даже в прохладный вечер смелые купаются.

Серьезному туристу и море нипочем.

Море всегда навевает поэтическое настроение.

Если день рождения застает в море, празднуют все.

Нептун пришел проведать морских путешественников.

В Таллинской бухте.

Под водой

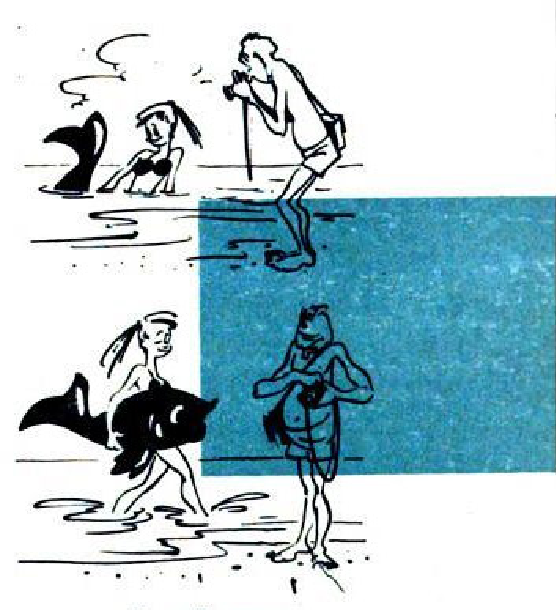
— Как же теперь обратно выбраться?

Донырялся!

Без слов. **Рисунки Б. Боссарта.**

Редкий снимок.
Рисунок В. Черникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00720. Подписано к печати 22/VII 1964 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 960 000. Изд. № 1153. Заказ № 1867.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

215

